

Тени тевтонов

Автор:

[Алексей Иванов](#)

Тени тевтонов

Алексей Викторович Иванов

Самый ожидаемый роман 2021 года!

1457 год. Враги штурмуют замок Мариенбург – столицу Тевтонского ордена. Тевтонский магистр бежит в Пруссию. 1945 год. Советская армия штурмует прусский город Пиллау. И теперь от врага бежит нацистский гауляйтер. Что общего между этими событиями? Их объединяет древняя тайна крестоносцев – тайна Лигуэта, меча Сатаны. «Да, пьесы оказались на разных языках, и драматурги не ведали друг о друге, но символ, порождающий действие, всегда выстраивал свой неизменный родовой сюжет: если роза – то любовь, если меч – то война». И повторение истории – всегда путь к Сатане.

Пресса о книге:

«Один из самых ожидаемых романов 2020 года «Тени тевтонов» оказался атмосферным и захватывающим. Алексей Иванов создал зеркальный тоннель из двух исторических эпох: один вход через рыцарский замок Тевтонского ордена в пятнадцатом веке, другой – черед подземелья военно-морского Пиллау, нынешнего Балтийска, в 1945 году.» – Наталья Ломыкина, Forbes

«Величественные батальные сцены в тексте Иванова выстроены с подлинно толкиновским эпическим размахом и в этом качестве, в общем, не имеют аналогов в отечественной литературе постсоветского времени.» – Галина Юзефович, Meduza

Алексей Иванов

Тени тевтонов

© Алексей Иванов, 2021

© Storyside, 2021

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Глава первая

Пиллау строили три столетия, а разрушили за неделю. Артиллерия, авиация и уличные бои превратили город в свалку дырявых и пустых коробок, полузасыпанных щебнем, битым кирпичом и черепицей. Балтийский ветер сдул дым пожаров и тучи пыли, и мёртвый город лежал на полуострове, вывернув внутренности, во всём очевидном ужасе недавнего штурма. Над руинами торчала красно-белая башня маяка – маяк не тронули, потому что он служил ориентиром для русских бомбардировщиков. Воды утихших гаваней отражениями удваивали перекошенные надстройки и мачты затопленных судов. На площади у памятника курфюрсту беззвучно разевали рты старинные гвинейские пушки – они словно выли, взывая к небу: «Пиллау-у! Пиллау-у!..»

Винцент Клиховский не сочувствовал этому городу. К чёрту Пиллау. К чёрту Берлин. К чёрту Дрезден, Гамбург, Франкфурт, Кёнигсберг и Кёльн. Пусть немцы на своей шкуре испытают то, что испытали поляки. Пусть города Германии станут такими же, какой стала Варшава осенью сорок четвёртого.

Он, Клиховский, должен был погибнуть в Пиллау. Должен был сгореть в каземате форта «Штиле», когда заговорщики взорвали подземный завод, или упасть убитым в расстрельный ров, когда немцы зачищали концлагерь перед отступлением. Но он уцелел. А Пиллау – нет. Однако из-за этого Клиховскому сейчас приходилось носить имя Пауля Бадштубера – несчастного беженца, которого он убил и у которого забрал документы. Клиховский не хотел, чтобы русские загнали его в фильтрационную зону для интернированных. У него в Пиллау ещё были недоделанные дела. Ему требовалась свобода.

– Господин Бадштубер, не спешите, пожалуйста! – попросила фрау Берта.

На пару со старенькой фрау Бертой Клиховский таскал тяжёлые носилки с мусором. Мусор вываливали в автомобильный прицеп. Над городком сияло майское солнце – ясное, как победа. Мир воцарился в Пиллау две недели назад, когда немцы сдали Шведскую цитадель и откатились за пролив Зеетиф; сейчас уже невозможно было поверить, что совсем недавно вокруг пылал крошечный ад. Как в нём выжила фрау Берта, беспомощная вне отлаженного порядка? рефе

Немногочисленным немцам, оставшимся в Пиллау, русская комендатура приказала расчищать улицы, чтобы тягачи уволокли разбитую технику. За это немцев кормили. В обед и в ужин приезжала русская полевая кухня; солдат в грязном фартуке шлёпал в тарелки и кастрюли горячую кашу. Почтмейстер господин Норберт Рот был избран жителями улицы Проповедников старостой; он вёл журнал учёта, хотя русские не сверяли количество работников и едоков.

Русских заботили проезды через разрушенные кварталы Хакена – так назывался район Пиллау между аванпортом, каналом Иннехафен, Крепостной гаванью и Шведской цитаделью. Улицу Проповедников перегораживал танк «Панцер-3», грузный, но с маленькой башней и коротким орудием. В борту у танка чернели две рваные дыры, тупой затылок башни и корма обгорели. По узким плоскостям брони ползли бело-серые разводы зимнего камуфляжа. В вермахте рассчитали, что война до лета не дотянется, а потому из экономии не перекрасили боевую технику в летние цвета. Это было очень по-немецки.

Женщины, дети и старики, жители улицы, разгребали груды мусора на мостовой. Доски и балки распиливали на дрова, цельные куски стен разбивали кайлами, пригодные кирпичи аккуратно складывали на тротуаре в штабель. Поодаль выстроились спасённые вещи: пыльные стулья, решётка от камина, поцарапанная швейная машинка, комод без ящика. На расстеленную скатерть сносили разрозненную посуду: тарелки, чашки, серебряные ложки, фаянсовый чайник. Щепетильный господин Рот переписывал находки в журнал.

Улица Проповедников была плотно застроена домами в два-три этажа. В перспективе открывалась площадь – разумеется, Адольф-Гитлер-плац. Один угол площади исчез под обломками рухнувшей ратуши. На другом углу располагался ресторанчик «Немецкий дом», русские приспособили его под офицерскую столовую. Возле ресторанчика урчал двигателем толстоносый

грузовик «бюссинг», мощная трёхосная машина; в кузове грузовика сидели десяток солдат. У кабины стояла молодая женщина, офицер, а рядом – человек гражданского вида: весеннее пальто, шляпа, круглые очки. В офицерской форме советской армии Клиховский ещё не разбирался, а гражданского он узнал: доктор Пакарклис из Вильно, историк и юрист. До войны Клиховский не раз встречался с ним на конференциях, посвящённых Тевтонскому ордену. Что здесь делает Пакарклис?.. Не важно. В любом случае это шанс.

Клиховский прислонил носилки к прицепу.

– Фрау Берта, отдохните, – предложил он. – Я заметил давнего знакомого.

Пока он шагал к площади, женщина-офицер забралась в кабину. Литовец закурил, поглядывая на двери ресторана. Он явно кого-то ждал.

– Господин Пакарклис?.. – Клиховский приподнял шляпу в приветствии.

Пакарклис узнал его не сразу. Клиховский сильно изменился с довоенных времён: исхудал, постарел, а глаза стали словно какими-то древними.

– Винцент, неужели это вы?! Боже мой, вы живы!..

Пакарклис в изумлении всплеснул руками и застыл в молитвенной позе. Для литовца это было высшим выражением радости.

– Трудно согласиться, но я жив, – усмехнулся Клиховский.

– Что вы делаете в Пиллау? – любопытно спросил Пакарклис.

– Прозябаю, – просто сказал Клиховский. – Как видите, разгребаю мусор. Кстати, здесь я – Пауль Бадштубер, эвакуированный младший инспектор дорожной службы Инстербурга. Так что, Повилас, называйте меня Паулем.

Пакарклис помрачнел. Вторая мировая многих превратила в подлецов.

– Я слышал, что в сорок втором в Данциге вас забрало гестапо. Или СС. Но я ответственно заявляю вам, что русские не преследуют за сотрудничество с

немцами, Ви... Пауль, если вы не были карателем или их пособником.

Клиховский спокойно покачал головой:

– Меня забрало СД, но это не важно. Я не был карателем и пособником. Я был узником концентрационного лагеря Штутгоф, точнее, его отделения в форте «Штиле». Я бежал. И оказался в этом городе с чужими документами.

Пакарклис выдохнул с облегчением.

– Я помогу вам восстановиться в правах, – сразу предложил он. – У меня появились определённые связи в комендатуре.

Значит, Пакарклис по-прежнему сотрудничает с советской властью... Клиховскому это и раньше не нравилось, но сейчас годился любой шанс.

– Пока не надо, Повилас. Если русские узнают, что я поляк, меня сразу экстрадируют в Данциг. А у меня к немцам здесь ещё есть неоплаченный счёт. Лучше расскажите, чем вы занимаетесь в Пиллау?

Теперь глаза Пакарклиса блеснули удовольствием.

– Возглавляю археографическую экспедицию Литовской академии наук.

– Археографическую? – не поверил Клиховский. – В мае сорок пятого?

– Всё согласовано со штабом фронта. Мы разыскиваем литовские книги, увезённые нацистами. В замке Лохштедт немцы бросили целую библиотеку. Там есть даже манускрипты из Альбертины и письма Канта.

Лохштедт?.. Клиховский словно коснулся оголённого провода.

– Послушайте, Повилас, – хмуро сказал он, глядя в сторону, – мне весьма неловко просить, но не возьмёте ли вы меня в помощники?

Пакарклис дружелюбно рассмеялся:

– Я понимаю. Мы же коллеги. Я поговорю со своим куратором от штаба.

Из ресторана «Немецкий дом» торопливо вышли двое, один в военной форме, другой в гражданском. Военный вытирал губы платком.

– Мои товарищи по экспедиции, – пояснил Пакарклис. – Нам пора ехать, Ви... Пауль. Я навещу вас вечером. Где вас искать?

– Вон та улица, дом семь, в подвале. Там только подвал и остался.

* * *

От окраины Пиллау до тевтонского замка Лохштедт пешком можно было дойти за час-полтора. По изуродованной дороге, огибая воронки, грузовик ехал примерно столько же. Дорога называлась имперским шоссе № 131; то и дело застревая в заторах, по этому шоссе в обе стороны ползли автофургоны, тягачи и бронетехника. «Бюссинг» свернул в направлении залива Фриш-Гаф.

Замок стоял над морем на пригорке. По сути, это были два двухэтажных корпуса, соединённых под прямым углом. Выщербленный красный кирпич. Готические окна. Черепичная крыша – вся в дырах. Взрытый воронками двор. И везде вздутые трупы в серо-зелёной солдатской форме вермахта и грязной гражданской одежде фольксштурма. Когда грузовик остановился, на него тихо наплыла густая волна смрада. Бойцы охранения откинули задний борт и друг за другом спрыгнули на землю. Из кабины выбралась капитан Луданная.

– Товарищи историки, – сказала она по-русски, – напоминаю про мины. Проверено только здание, так что я запрещаю выходить из него даже по нужде.

Женя Луданная была убеждена, что учёные не приспособлены к жизни, как дети. Беспомощные и бесполезные люди. Блаженные. А может, и ловкачи.

Клиховский уже понял: экспедицией командовала эта молодая дама из Управления контрразведки Третьего Белорусского фронта. Ей подчинялось отделение охраны. А Пакарклис руководил только историками. Их было всего двое: Юозас Юргинис, директор библиотеки Академии наук, и полковник Бронислав Гертус из университета Вильно. Во время войны Гертус возглавлял

инженерную службу литовской дивизии и до сих пор носил военную форму.

– Переведите запрет своему коллеге, – приказала Луданная Пакарклизу.

Беженца Бадштубера в группу привлёк Пакарклис. До войны у немцев имелось множество разных обществ по изучению истории, и Бадштубер, по словам Пакарклиса, состоял в таком кружке. Луданная не возражала против участия немца в работе литовцев. Книжки – чушь: пусть их собирает кто хочет.

Неподалёку от замка тянулась железная дорога. Рядом с низкой насыпью валялись опрокинутые товарные вагоны, сгоревшие до железных скелетов. Буковый лес вокруг замка, ободранный перестрелкой, превратился в голый кривой частокол. За стволами чёрно горбатились сгоревшие танки «панцеры» и самоходки-«штуги». Над тихим заливом кричали и метались чайки.

Солдаты боевого охранения направились на позиции, уже обустроенные ими вчера, а историки и Луданная пошли к большому пролому в стене.

– Можно мне осмотреть замок? – спросил Клиховский.

– Зачем? – с подозрением прищурилась Луданная.

– Замок – исторический памятник. А я никогда здесь не бывал.

– Глупости, Бадштубер.

– И всё же я прошу вас.

– Ну, если вам угодно... – Луданная презрительно дёрнула плечом. – Однако в подвал соваться запрещаю. Там везде обрушения.

Стены в высоких сводчатых залах зияли язвами от пуль и осколков. Клиховский знал, что замку больше шестисот лет, но выбоины были такими свежими, что в древность замка не верилось. Казалось, что это не тевтонский орденбург, а какая-то кирпичная конюшня или амбар в заурядном фольварке – немецком сельском имении. Тишина и зловоние. На каменных полах – мусор и трупы. После штурма русские похоронные команды собирали в Лохштедте только своих, а

немцев не трогали. Мертвецы растянулись среди истоптанных книг, обломков кирпича и штукатурки, касок, россыпей гильз и размотанных бурых бинтов, патронных цинков, пустых автоматных магазинов и катушек от полевых радиостанций. По телам и по книгам шустро бегали крысы.

Доктор Хаберлянд говорил о зелёных снаряжных ящиках. В помещениях первого и второго этажей Клиховский не увидел ничего похожего. Возможно, ящики сложили в подвале, однако спускаться туда значит нарушать запрет Луданной. Клиховский решил подождать более удобного момента и вернулся к Пакарклизу. Литовец посмотрел на него с каким-то затаённым восторгом.

– Вот здесь, – он обвёл часовню руками, – брошены сокровища из библиотек Вильно, Кёнигсберга, Дерпта, Риги и Мемеля. Это ужасное зрелище – свидетельство нацистского варварства. Наша задача – вывезти все книги на литовском языке. Госпожа капитан, я попрошу вас не курить здесь.

Луданная с недовольным видом сунула папиросу в коробку.

– «Товарищ капитан», господин учёный, – раздражённо поправила она.

Пакарклис поручил Клиховскому проходной зал с окнами на залив Фриш-Гаф. Защитники замка, видимо, использовали зал как лазарет: под окнами в ряд лежало шесть покойников. Стопки книг служили им изголовьями. После концлагеря мертвецы не вызывали у Клиховского никаких чувств: просто бывшие люди, и всё. Клиховский вытащил книги и раскрыл ту, что показалась самой старой. И лишь теперь его сердце затрепетало – отозвалось на любимое дело. В руках у Клиховского были напечатанные на латыни исторические хроники Яна Длугоша. Судьбы Польши – вечная боль и вечная нежность...

Клиховский раскладывал книги и папки в стопы; получились три большие – немецкие, и одна малая – литовские. От вида старинных томов, бесценных для культуры, но не имевших никакой цены для солдат, Клиховского охватила бессильная злость. За стеной замка на железной дороге неторопливо простучал колёсами эшелон. А потом из глубины здания донёсся отчаянный крик.

Повилас Пакарклис отвёл себе самый перспективный участок – комнату с целой горой из книг. Пакарклис так увлёкся работой, что перестал смотреть под ноги – и наступил на противопехотную мину, засунутую в кипу жёлтых листов,

покрытых строками готического шрифта. Мина подалась и хрустнула.

Ещё в коридоре Клиховский услышал голос полковника Гертуса:

- Не сходите с места, Повилас! Не двигайтесь!..

Когда Клиховский появился в комнате Пакарклиса, здесь были уже все. Пакарклис стоял в странной позе и протягивал Юргинису большую папку:

- Юозас, возьмите, возьмите! Это «Времена года»! Перо Донелайтиса!

Поэт Донелайтис для литовцев был как Мицкевич для поляков или Гёте для немцев. Рукопись великой поэмы Донелайтиса тоже оказалась у нацистов.

Юргинис с опаской принял папку и инстинктивно попятился.

- Спокойно, Пакарклис, я вызову сапёров! - быстро сориентировалась капитан Луданная. - Отсюда три километра до нашей части в Нойхойзере!

Бронислав Гертус, опустившись на колени, расшвыривал и обрывал бумаги, чтобы рассмотреть мину под подошвой ботинка Пакарклиса.

- Выйдите все из помещения! - через плечо сердито бросил он.

- Вы ведь тоже сапёр, Бронислав? - с надеждой спросил Пакарклис.

Он был бледен и боялся пошевелиться. Гертус в волнении снял фуражку.

- Я не справлюсь, - негромко произнёс он, глядя на мину. - Это шутцен-фугас, разработка для «Вервольфа». На фронте мы с такими не сталкивались.

Клиховский подошёл к Гертусу и присел. Мина, круглая банка, имела на боку маркировку «SDm-45 FS». Буквы «FS» означали «Форт Штиле».

- Контактная крышка на пружине, - сказал Клиховский. - Выдёргивает чеку при возвратном движении. Детонатор сконструирован для растяжек, но мина

приспособлена для нажимного действия.

– Откуда вы знаете? – тотчас насторожилась капитан Луданная.

– С такими минами я работал на заводе в форте «Штиле».

– Вы разрядите её? – задыхаясь, спросил Пакарклис.

– Постараюсь. Главное – не дать крышке подняться. Нельзя снимать вес.

Клиховский выпрямился во весь рост и тесно прижался к Пакарклису, а затем осторожно приставил свои ноги к ноге Пакарклиса так, чтобы наступить на края контактной крышки.

– Убирайте ногу, Повилас, и отходите в сторону.

Пакарклис медленно отклонился и снял ногу с мины. Затем сразу же отступил на несколько шагов. На мине теперь стоял Клиховский.

– Найдите кирпичи, штук восемь целых, – спокойно распорядился он. – Я придавлю крышку. Нужна тяжесть не меньше шестнадцати килограммов.

Юргинис и Гертус кинулись на поиски пригодных кирпичей. Клиховский стоял на мине и смотрел на Луданную. Если он взорвётся, в последний миг приятнее видеть красивую женщину. Короткие сапожки. Тесная юбка. Узкая талия под ремнём. На высокой груди – орденская планка. Узел тяжёлых волос и пилотка чуть набок. Лицо – княжеское, а в серых глазах – подозрительность волчицы: «Откуда ему известно про диверсионные мины? Он диверсант?..» Пакарклис же сейчас вовсе не узнавал Клиховского. Что случилось с рядовым историком из Данцига, малоизвестным специалистом по Тевтонскому ордену?

В комнату вернулись Гертус и Юргинис. Они тащили кирпичи. Гертус аккуратно поместил первый кирпич на мину между ботинок Клиховского.

– Я понимаю вас, Повилас, – тускло сказал Клиховский. – Стоять на мине и вправду очень страшно. Как на эшафоте с петлёй на шее.

* * *

Покидая Пиллау, доктор Хаберлянд оставил Клиховскому и квартиру, и подвал-бомбоубежище. Теперь Клиховский жил в подвале. Половину каморки занимал дощатый стеллаж с имуществом Хаберлянда. Вечерами Клиховский лежал на топчане при свете коптилки и размышлял обо всём подряд. Иногда с тоской вспоминал сыновей. Какие они сейчас, Берчек, Людвичек и Чарусь? Помнят ли отца? А он их помнил и любил. Потому и находился в Пиллау. Он не хотел, чтобы двое его мальчиков погибли, как погибли оба его брата.

Сейчас Клиховский думал о Лохштедте. Прежде он не бывал в этом замке, хотя общество «Сила через радость» включило Лохштедт в туристический маршрут. Потом Эрих Кох, гауляйтер Восточной Пруссии, прибрал замок себе под резиденцию, и экскурсии прекратились. Нынешний Лохштедт выглядел как загородное имение, но Клиховский легко определил планировку древней твердыни. Два рва в виде подковы. Предместье – форбург. Линия стен и форт-барбакан. Часовня – это рыцарская капелла, и понятно, где был конвентхаус. Если учесть, что в водах залива в древности возвышалась башня-данцкер, тевтонский извод идеи донжона, то ясно, где располагался бургфрид – главная башня. В лёгком и мощном воображении Клиховского замок Лохштедт стоял над водами Фриш-Гафа целый и невредимый – только призрачный.

Его воздвигли в конце тринадцатого века на устье пролива из Балтики во Фриш-Гаф. В Тевтонском ордене Лохштедт отвечал за охрану корабельного пути и добычу янтаря. На побережье торчали виселицы для нарушителей закона – тайных сборщиков «замландского золота». Однако четыре века назад пролив занесло песками, а Орден угас. Лохштедт был заброшен и тихо ветшал. Строители Шведской цитадели, новой крепости в Пиллау, начали разбирать его на кирпичи. От замка сохранились только два здания и подземелья.

За дверью каморки слышались неуверенные шаги, потом раздался стук. Наверное, это пришёл кто-то из соседей по подвалу, потому что в городе царил комендантский час. Клиховский поднялся с топчана и открыл. В темноте прохода стоял Пакарклис. Он держал в руке бутылку с сургучом на горлышке. Круглые стёкла его очков горели, отражая огонёк коптилки.

– Сегодня вы спасли мне жизнь, Винцент, – сказал литовец. – Я должен поблагодарить вас. Я постараюсь отплатить, мой друг. А это – спирт.

Клиховский уже почти забыл о том, что приключилось днём. Да, он мог погибнуть. Но не погиб. И больше беспокоиться тут не о чем. Клиховский давно привык выбрасывать все мысли о смерти, если угроза миновала.

– Располагайтесь, – пригласил он.

Спирт разлили в чашки Хаберлянда из дорогого мейсенского фарфора.

– Как вы пережили войну, Повилас? – осторожно спросил Клиховский.

Это был самый главный вопрос, и от ответа зависело всё.

До войны Литва прокладывала свой путь, лавируя между большевистской Россией, нацистской Германией и санационной Польшей. Пакарклис считал, что для самосохранения Литва должна примеряться к наиболее сильному соседу. Но в 1940 году Россия бесцеремонно поглотила Литву. В независимом государстве Пакарклис был окружным прокурором, под коммунистами стал комиссаром юстиции. Когда началась война, он отступил с русскими, потому что не верил в победу Гитлера. Преподавал. С русскими и вернулся домой.

– Я написал письмо в Академию наук, – рассказал Пакарклис. – Составил перечень учреждений Германии, где могут содержаться культурные ценности Литвы. Меня отправили в штаб фронта, затем в штаб армии. Генерал Галицкий проявил щедрость и сообщил мне, что фашистские книги Советам ни к чему.

Клиховский с горечью кивнул. История никому не была нужна – ни фашистам, ни коммунистам, ни пилсудчикам. Им была нужна только власть.

– В Кёнигсберге смершевцы показали мне распоряжения гауляйтера Эриха Коха об эвакуации архивов и библиотек. Я пошёл по следу и очутился здесь, в Пиллау. Представляете, Винцент, я отыскал «Постиль» Бреткунаса, рукописи Людвикаса Резы и «Прусский вопрос» Матфея Претория. Это клад!..

– Ваш интерес – по-прежнему Жемайтия?

Шесть столетий назад Великое княжество Литовское и Тевтонский орден вели жестокую войну за Жемайтию, языческую Жмудь.

– В эвакуации я научно обосновал утверждение, что жмудины являлись пруссами, – с гордостью сообщил Пакарклис.

Клиховский невесело усмехнулся. Пакарклис подвёрстывал историю под нужды современности. Если жмудины – пруссы, то литовцы – исконные враги тевтонцев и соратники славян в борьбе с немецким нашествием. Так сейчас нужно выглядеть литовцам, чтобы уцелеть под большевиками. Клиховский понимал стратегию Пакарклиса, но для него такая стратегия всё равно была малодушием и предательством профессиональной чести.

– Я сдал в печать книгу «Борьба литовцев с крестоносцами», – признался Пакарклис и принялся смущённо протирать очки полой пиджака.

Клиховский промолчал и разлил спирт. Увы, никакая Лига Наций уже не вырвет Литву из лап России, и Пакарклис смиренно готовил своей родине положение поудобнее. Возможно, и Польше тоже придётся придумывать себе новую историю. Но он, Винцент Клиховский, участвовать в этом не будет.

– Вы входи в высшие сферы, Повилас... Вам известно, что Советы собираются сделать с Восточной Пруссией?

– На такие темы со мной не откровенничают.

– Но у вас есть понимание общей логики событий.

Пакарклис вздохнул:

– Думаю, Восточной Пруссии не станет. Россия её присвоит. Мемель вернут Литве, а районы плебисцита всё-таки присоединят к Польше.

В 1920 году, после Версальского мира, Лига Наций, перекраивая Европу, хотела отдать Польше юго-западные районы Восточной Пруссии. На спорных землях провели плебисцит, однако население проголосовало за Пруссию. Германия, униженная Версалем, тихо торжествовала. Вскоре в Алленштайне воздвигли мрачный и величественный мемориал сражению под Танненбергом. В Мариенбурге довершали восстановление гигантского замка тевтонцев. И повсюду появились огненосные «башни Бисмарка» и монументы плебисциту –

камни с девизом: «Немцами были, немцами будем!». Что ж, больше не будут.

– Пиллау тоже окажется русским?

– Советам нужен контроль над Балтикой. В Пиллау переводят военно-морскую базу. Армейская комендатура уже сдаёт дела командованию флота.

– Пиллау закроют для иностранцев?

– Скорее всего, да. Немцы ведь поступили точно так же.

Пакарклис был прав. С 1921 года Пиллау был базой германского флота, и иностранцев сюда не пускали.

Клиховский понял, что назваться Бадштубером было верным решением. Если его, поляка, выдворят из Пиллау, он навсегда потеряет шанс избавиться от родового проклятия. И два его сына погибнут, как погибли два его брата.

– Почему вы не хотите уехать отсюда, Винцент? – проницательно спросил Пакарклис. – Не похоже, чтобы в этом городе вы были счастливы.

– У меня здесь незавершённое дело, – неохотно признался Клиховский.

– Я могу узнать, какое?

– Вы сочтёте меня сумасшедшим.

– Я видел котлованы в Панеряе, заполненные останками расстрелянных жителей гетто. Это не мы сошли с ума, Винцент.

Клиховский тоже видел, как дымили печи крематория в Штутгофе.

– Я ищу Лигуэт, – сказал он.

Пакарклис поджал губы и покачал головой:

– Вы верите в эту тевтонскую версию Святого Грааля?

Клиховский угрюмо смотрел в чашку со спиртом:

– Я уже ни во что не верю. Я просто хочу закончить свою войну.

* * *

Двигатель взвыл, рубчатые колёса завертелись, в прокруте выбрасывая песок, и грузовик двинулся вперёд и вверх по склону берега, вытягивая трос, уходящий в воду. Вода вдруг яростно заискрила на солнце и с плеском раздалась, скатываясь с широкой плоскости самолётного крыла. Потом вынырнул капот, потом – фюзеляж и хвост, потом – нижнее крыло биплана.

Грузовик вытащил утопленника на узкий пляжик под замком Лохштедт. Это был перечно-красный гидросамолёт на поплавках. На бортах и округлых крыльях чернели кресты и надписи «OstpreuSen». Из корпуса хлестали струи.

– «Хейнкель-60», – определил майор Перебатов. – Двухместный.

Неподалёку, высунув на отмель форштевень, лежал длинный бронекатер с танковой башней. Рубка и борта у него были покрыты бугристыми синяками – заваренными пробоинами: катер высаживал десанты на косу Фрише Нерунг. Матросы лежали в короткой травке на берегу, курили трофейные сигареты и лениво наблюдали за вознёй с растопыренным двухэтажным самолётиком.

– Дывись, братишки, яки у Хитлера попухаи, – сказал кто-то из них.

Клиховский внимательно наблюдал за происходящим.

– Ясное дело, Женька, ты его прозвала, – усмехнулся Перебатов.

Луданная сдержала гнев. Со старшим по званию не спорят. Но не следует майору при посторонних панибратски называть её Женькой. И упрёк майора несправедлив. Перебатов тоже не сумел бы увидеть под водой гидроплан.

– Мы не принимали водных процедур, – сухо ответила Луданная.

Перебатов был её сослуживцем по Управлению контрразведки фронта. В Пиллау порой пропадали солдаты и офицеры – скорее всего, проваливались в катакомбы или подрывались на минах. Перебатов с группой расследовал эти исчезновения: вдруг нацисты оставили подполье, пресловутый «Вервольф»? Сегодня днём воздушный наблюдатель сообщил в СМЕРШ, что обнаружил неопознанный самолёт, лежащий на дне залива возле замка Лохштедт. Перебатов взял в гавани бронекатер и примчался осмотреть находку.

– Его сбили? – наивно спросил Пакарклис.

Перебатов чуть поморщился от необходимости объяснять гражданскому:

– Ночью зацепили зенитчики с эсминца. Но он не упал, а приводнился гладенько. Экипаж гранатами взорвал поплавки и утопил аппарат. А сам ушёл. – Перебатов вздохнул и осуждающе посмотрел на Луданную: – Эх, Женька, если бы ты утром не считала ворон, мы уже прочесали бы всё отсюда до Камстигаля и нашли бы гостей! А сейчас им полная волюшка!

Луданная больше не хотела подчиняться обвинениям майора:

– Чушь, Николай! Те, кто прилетели, или наскочат на мину, или попадутся патрулям! Случайные одиночки ни на что серьёзное не способны!

Теперь рассердился Перебатов:

– Эти черти не простые! Они прилетели, куда запланировали, не то сели бы на Пайзе и шмыгнули в леса! А какого хрена им тут надо? Думай головой, Женька, а не чем ещё!

Глаза Луданной сузились.

Перебатов повертелся на месте, озираясь:

– На полуострове действует группа «Вервольфа», я точно говорю! Может, гости к ней и пробирались? Диверсия будет на твоей совести, Женька!

Клиховский молча разглядывал красный самолётчик. Где он видел его? «Ostpreußen»... «Восточная Пруссия»... Клиховский вспомнил. Так назывался ледокол гауляйтера. Говорили, что он расчищал морской канал от Пиллау до Кёнигсберга, но Клиховский застал «Восточную Пруссию» уже намертво пришвартованной к причалу гавани. Эрих Кох берёт своё судно от бомбёжек и не выпускал даже для эвакуации беженцев. Красный самолётчик, зимой «обутый» в лыжи, всё время сидел на корме ледокола под стрелой крана. Он предназначался для ледовой разведки, потому, собственно, и был красным. В начале апреля, помнится, беженцы негодовали, что на ледокол грузят ещё и автомобиль гауляйтера. 23 апреля ледокол и гауляйтер исчезли из Пиллау.

Майор Перебатов тем временем немного успокоился.

- Прилетевшие должны оставить следы, - сказал он уже миролюбиво.

- Я ничего не заметила, - непроницаемо ответила Луданная.

- Не сомневаюсь. Давай проверим твою халабуду.

Перебатов пошёл к замку, Луданная - за ним, а историки - за офицерами.

В залах и комнатах замка Перебатов не обнаружил ничего интересного.

- В подвале своды осыпаются, - предупредила Женя.

- Авось не угробимся... - буркнул майор.

В обширном полуразрушенном подземелье трупов было не меньше, чем на этажах, и застойное зловоние загустело здесь, как мазут. Офицеры зажгли ручные фонарики. Клиховский жадно оглядывался, надеясь увидеть зелёные снарядные ящики из музея доктора Хаберлянда. В лучах мелькали упавшие стеллажи, выщербленные пулями кирпичные углы, пустые каски, солдатские ранцы, пулемётные ленты, жуткие лица мертвецов, их руки со скрюченными пальцами, а ещё какие-то мешки и доски, гнутые ветви бронзовых люстр, канделябры, поломанная мебель в позолоте, резные рамы картин. Искрами вспыхивали гильзы и осколки фарфора. Клиховского продрал озноб. Значит, экспонаты Хаберлянда действительно были переправлены в Лохштедт!

- Что тут за филармония была? - мрачно удивился Перебатов.

- Хранились фонды местного музея, - пояснил Пакарклис.

Пакарклис знал это от Клиховского.

Спотыкаясь и матерясь, Перебатов добрался до конца подземелья, точнее, до той его части, где своды и опорные колонны обвалились. Груды кирпичей и обломков лежали поверх трупов. Можно было карабкаться и дальше, но майор остановился, размышляя. Общая картина ему стала понятна.

- Ты туда заползала? - уточнил майор у Жени, указывая лучом.

- Разумеется.

- Есть вероятность, что там был схрон с оружием или взрывчаткой?

- Я осматривала помещение на предмет книг.

- Ну, считаешь их, когда вышибут из армии, - проворчал майор.

Клиховский торопился запомнить то, что сейчас видел. Не исключено, что зелёные ящики погребены под осыпями, однако этих ящиков, по словам Хаберлянда, было много, с десятков, и какой-нибудь непременно торчал бы наружу. А Клиховский не заметил ничего. Значит, зелёные ящики, все вместе, стоят в другом хранилище. Учитывая их ценность, в более надёжном бункере.

Сердито сопя, майор повернул к выходу.

С пригорка, от замка, бронекатер и гидроплан выглядели как крокодил и огромная бабочка. Отдышавшись на свежем ветре с залива, Перебатов снова подошёл к Луданной. Клиховский услышал их негромкий разговор.

- Скажи-ка, эти профессора у тебя сомнений не вызывают?

- Тот, который в очках, был наркомом юстиции в советской Литве.

– Они все западники, Женька. Порождение национальной буржуазии. Им доверять нельзя. Среди них могут оказаться те, кто связан с диверсантами.

– Хорошо, я приняла к сведению. Покопаю их биографии поглубже.

Клиховский понял, что глубокое дознание непременно выведет русскую дефензиву на фальшивую личность Бадштубера. Тем более он уже проявил своё знакомство с диверсионными минами... Надо что-то предпринять.

– Женька, я ничего не имею против тебя, но ты не тянешь оперативную работу, – совсем тихо сказал майор. – И в штабе не я один так считаю.

Луданная прекрасно понимала, почему Перебатов внушает ей, и не только ей, что армейская контрразведка не её дело. Майор взял Женю за локоть, словно пытался утешить, но Женя твёрдо высвободила руку. Майор вздохнул с наигранным сожалением: ох уж эти бабские обиды без причин!..

– Ладно, увидимся вечером.

Перебатов пошагал к берегу, придерживая на боку потрёпанный планшет. Женя смотрела в сторону, сжимая губы; глаза у неё непримиримо почернели.

Клиховский догадался: судя по всему, авторитет у Луданной невысок.

Над заливом носились чайки. Искалеченный голый лесок вокруг замка окутался зеленоватой дымкой. Матросы бронекатера дремали на солнцепёке.

– Полундра! – рявкнул им Перебатов.

Клиховский помедлил за спиной у капитана Луданной.

– Господин капитан, – обратился он понемецки. – У меня есть разговор.

– Не сейчас! – Луданная даже не оглянулась.

Клиховский и не рассчитывал на благосклонность собеседницы.

– Замок был одной из резиденций гауляйтера Эриха Коха, – сообщил он. – Наверняка под замком имеется бункер гауляйтера. И этот бункер наверняка соединён с подземной железной дорогой, идущей от Пиллау до Фишхаузена.

Теперь Луданная развернулась к Клиховскому лицом.

– Подземная железная дорога?.. – ошеломлённо переспросила она.

– Прилетевшие на гидроплане, скорее всего, по этой дороге и ушли.

Клиховский знал, что его слова произведут на контрразведчицу нужное впечатление. Дела по службе у неё невесёлые, а тут такие открытия!

– Кто вы, господин Баштубер? – напряжённо спросила Женя.

– Я ещё не всё сказал, – остановил её Клиховский. – Не берусь утверждать, но с большой степенью вероятности могу предположить, что на гидроплане сюда прилетел сам гауляйтер Эрих Кох.

* * *

В честь доктора Хаберлянда в Пиллау называли улицу. Клиховский мог бы гордиться, что историю города открывал ему такой уважаемый человек.

Пиллау родился на закате Тевтонского ордена. В 1510 году неистовый ураган разорвал узкую песчаную косу Фрише Нерунг, что отделяла Фриш-Гаф, закрытую лагуну, от Балтийского моря. Возле Зеетифа, новоявленного пролива, стояла деревенька Вограм. С неё и начался город Пиллау.

Старый пролив у замка Лохштедт потихоньку высох и был поглощён беспокойными дюнами. Лоцманы, проводившие торговые суда через мелкий Фриш-Гаф в Кёнигсберг, перебрались из Лохштедта в Вограм. Тевтонский орден превратился в герцогство Пруссия, Польша держала Пруссию за горло. В 1627 году шведский король Густав Адольф объявил Польше войну и двинул свой флот на Данциг. Пруссия, польская невольница, не возражала, чтобы король сделал деревню Вограм базой для своего флота. Король поселился в Лохштедте и

заложил близ Вограма крепость, которая должна была оберегать пролив Зеетиф. Шведы отбили Пруссию у Польши, но король погиб. Его незавершённая крепость досталась Пруссии, и пруссаки достроили её, хотя по-прежнему называли Шведской цитаделью. Пруссакам не хватало камня, и они почти до основания разобрали замок Лохштедт, а заодно до половины и другой тевтонский замок – Бальгу, что стояла на материковом берегу Фриш-Гафа.

Чтобы заполнить водой ров вокруг цитадели, строители выкопали Грабен – крепостной канал. Грабен стал первой гаванью Пиллау. Он брал начало от узкого, длинного и ветвистого пролива Иннехафен, отделяющего Пиллау от обширной отмели. Со временем другие ветви этого пролива превратились в другие стоянки для судов – Внутреннюю, Военную, Лесную и Рыбную. С помощью дамб соорудили Аванпорт, Судостроительную и Нефтяную гавани, а вместе с ними и пронумерованные затоны-бассейны – «бэкены». Пиллау стал морским городом-крепостью, который обслуживал порт и охранял путь через Фриш-Гаф в Кёнигсберг, столицу Восточной Пруссии.

Последним повелителем Восточной Пруссии был гауляйтер Эрих Кох.

– Главари вроде Коха убегают от нас во всю прыть, – сказала Луданная. – Предпочитают сдаваться союзникам. Так что вряд ли в Пиллау вернулся сам гауляйтер. Скорее он прислал сюда своего эмиссара.

– Эмиссар – тоже хороший трофей, – согласился Клиховский. – Но то, ради чего он сюда прибыл, добыча получше.

– Какая добыча? Золото, ценности, предметы искусства?

– Не думаю. У Коха было время всё нужное погрузить на ледокол. Могу предположить, что ему потребовались некие документы. Скажем, союзники согласны укрыть его, если он предоставит им что-то важное. То, что поначалу не хотел брать с собой, дабы не дискредитировать себя.

Сам Клиховский в такое не верил. Он слишком долго искал Лигуэт, и для него святыня была важнее любых документов рейха; Клиховский поневоле переносил своё отношение к Лигуэту на гауляйтера. Хотя доктор Хаберлянд в суматохе эвакуации и бомбёжек мог и не успеть сообщить Коху, что в руках у того тайна Тевтонского ордена. В общем, Клиховскому казалось, что Коху нужен именно

Лигуэт и Кох вернулся за ним собственной персоной.

Клиховский и Луданная прогуливались по набережной Грабена. Капитан Луданная не хотела, чтобы этот разговор состоялся в комендатуре: слишком много чужих ушей. Руины на другой стороне Грабена, обглоданные пожаром и продырявленные артобстрелом, окрасились в багровый цвет заката, словно там ещё продолжался штурм Пиллау. Из воды торчали надстройки, трубы и мачты затопленных судов; над ними задрал решетчатую стрелу плавучий кран, вчера прибуксированный из Кронштадта. Рядом гудело лебёдками водолазное судно: эпроновцы поднимали со дна немецкий торпедный катер.

– Вы сами-то были на той железной дороге под землёй? – закуривая, спросила у Клиховского Луданная.

– На небольшом участке. Я очутился там, когда бежал из форта Штиле.

– Можете вывести на неё?

– Вход, через который я попал, разрушен взрывом форта, а выход я не найду. Я тогда не осматривался, дело было зимой, да и война всё перепахала.

Клиховский отвечал очень осторожно. Он помнил: капитан Луданная ему не друг. Она – часть той силы, что уничтожила его брата, и того государства, что порабощает его родину. Но на время у него с Луданной общий интерес.

– В Пиллау много катакомб?

– Под Пиллау – другой город. Рыцарские подземелья. Подвалы Шведской цитадели. В конце прошлого века соорудили форты Восточный и Штиле. И сколько всего понастроили нацисты... Система береговых батарей, дренаж, резервуары для горючего, бомбоубежища, хранилища, цеха завода «Шихау», бункеры штабов и тайники гауляйтера... По слухам, немцы даже проложили тоннель под проливом Зеетиф от цитадели до форта Западный в Нойтифе.

– Кто может знать обо всём этом?

– Понятия не имею. О подземельях мне рассказывал доктор Хаберлянд, основатель местного музея, но он эвакуировался в Дуйсбург.

Луданная решила оставить Клиховского при себе, хотя по правилам его следовало поместить на гауптвахту или сдать в лагерь для интернированных. Не похоже, что этот поляк – агент абвера или «Вервольфа». Его история слишком уж неубедительна для легенды, сочинённой профессионалами.

– Кто вы по профессии?

– Археолог. Специалист по готике Тевтонского ордена. Проще говоря, по рыцарским замкам. Я преподавал на факультете архитектуры Высшей политехнической школы Данцига, пока меня не выгнали как унтерменша.

– Вы как-то были связаны с подпольем? Армия Крайова? Армия Людова?..

– Нет, я всегда был сам по себе.

– Что вас держит в Пиллау?

Клиховский молчал и смотрел, как на канале под стрелой плавучего крана из воды в шуме и плеске поднимается заострённый нос катера с выемками для торпед и номером «S-108». Моряки начали подводить к катеру понтон.

– Гауляйтер Кох занимался вывозом культурных ценностей...

– Вроде Янтарной комнаты? – подсказала Луданная.

– Да, – спокойно кивнул Клиховский. – В одно из собраний Коха попала вещь, которую я ищу. Церковная реликвия. Она здесь, в Пиллау.

Женя прежде уже сталкивалась с поляками и знала их общее свойство – пылкую ревность к национальному достоинству. Полгода назад в «Красной звезде» была опубликована статья о том, как в Люблине в какой-то конюшне поляки три года прятали под землёй намотанную на вал картину Яна Матейко «Грюнвальдская битва». Геббельс желал уничтожить это полотно и тому, кто выдаст его, обещал премию – в десять миллионов рейхсмарок. Поляки не соблазнились. «Битву»

приняло командование Первого Белорусского фронта.

– Кто поручил вам поиск вашей реликвии? – цепко допытывалась Женя. – Церковь? Делегатура эмигрантского правительства?

– Никто, – хмуро ответил Клиховский. – Это мой личный долг.

Женя усмехнулась. Фанатичность поляков ей тоже была знакома. Женя объясняла её тем, что поляки – католики и почитают мучеников. Для Жени в религиозных святынях не было никакого иного смысла, кроме закабаления верующих. Но если Клиховский спятил на вере – его дело. Он будет рваться к своей святыне – и приведёт капитана Луданную к гауляйтеру Коху.

– Если не секрет, – снисходительно сказала Женя, – поясните мне, что там у вас за сокровище?

Глава вторая

Этот матёрый зубр, свирепый и беспощадный, как стенобитное орудие, был дьяволом Вармийской пуши. Он истреблял соперников, чтобы крыть своих коров в угрюмом торжестве одиночества. Он топтал волков. Он валил дымящийся навоз на медвежьи берлоги. За свою долгую жизнь старый бык никогда и никому не покорялся, а сейчас его гнали сквозь лес, будто зайца.

Ожидая зверя, Каетан прятался за толстым стволом ясеня. Руки сжимали ратовище копья. Широкое перо наконечника было длиной почти в локоть. Когда бык поравняется с ясенем, Каетан выскочит из засады и вонзит ему лезвие в левый бок – туда, где сердце. Если рука не дрогнет, зубр свалится замертво. Каетан предвкушал победу. С острия копья тихо капала вода: сверху сыпался мелкий дождик. Не напрасно Вармию, бесприютную страну пруссов, называли Гнилым углом. Здесь, запутавшись в лесах как в рыбацких сетях, вечно кисли сырые ветра Балтики, и лето не отличалось от осени.

Каетан уже два месяца скучал в замке Бальга. Да и не только он скучал: все молодые шляхтичи, что соблазнились деньгами тевтонцев, давно уже

передрались от безделья, выпили всё вино в корчмах и на постоянных дворах вокруг форбурга перепробовали всех потаскушек – тупых и крепкозадых прусских девок. То ли дело польские Орава и Лужица, где игривые тирувки на многолюдных трактах умеют славно угождать проезжим рыцарям.

Тевтонцы нанимали любых вояк, чтобы чужими руками защитить свои замки и фольварки от ополчений мятежных городов Поморья. Орден, как паук, оплёл железной паутиной Ливонию и Пруссию. Гнездо паука находилось в неприступной крепости Мальборк, по-немецки – Мариенбург. Полвека назад поляки и литвины разгромили орденскую армию в битве у деревни Грюнвальд, но не довели дело до конца: не разорили гнездо злодея. И теперь стало только хуже. Возмещая убытки, Орден обложил свои торговые города огромными налогами; день святого Мартина – срок уплаты – стал чёрным днём для всех купцов. У длинных причалов Гданьска, Эльблонга и Кралева загружались сотни кораблей, и орденские гроссшеферы давили соперников несправедливыми ценами, продавая товар стоимостью в марку всего за три фирдунга. Никто из торговцев не мог соперничать с Орденом, к тому же тот забрал себе самую выгодную торговлю – хлебом и янтарём, «замландским золотом». А вольная Ганза неудержимо богатела. Конечно, купеческие города подняли бунт. Возглавил его Гданьск. А король Казимир, конечно, поддержал этот мятеж.

Но король шляхте не указ. Шляхте тоже надо жить. Если Орден платит – что ж, нищая шляхта пойдёт на службу к немцам. Да, нехорошо это, но деваться некуда. И орденсбурги, замки тевтонцев, заполнялись наёмниками: отчаянными таборитами из Богемии, бродячими отрядами немецких кнехтов, алчными фризскими шевалье, жестокими датскими риттерами. Ну и нищей шляхтой. Старый Лехослав Клиховский, ругаясь от стыда, нацарапал пером крест на вертаге тевтонцев, на лето продавая Ордену себя и сына Каетана за двенадцать гольдгульденов. Бедность довела до унижения.

А на Бальгу никто не нападал. Забытый войной замок высился на берегу залива Фриш-Гаф, и лишь балтийские волны гулко били в подпорную стену. Надо было чем-то занять себя. Не в кирхе же пропадать. Вот тогда молодые рыцари и задумали устроить охоту на знаменитого зубра Вармийской пущи.

Сначала Каетан услышал дальний лай собак, а потом вокруг стало странно и тревожно – это бесследно исчез покой, потому что земля неуловимо задрожала от топота страшного зверя. Ясень, за которым прятался Каетан, возвышался на краю длинной травянистой лощины. Убегая от загонщиков, зубр мчался по

лощине, громадный, как боевая повозка гуситов, и неудержимый, как пушечное ядро. Каетан увидел широкою серую морду чудовища, всю в пене, бешеные глаза и крючья рогов, распахнутую на груди бороду и вздыбленный горб, утыканный стрелами. Зверь храпел, задыхаясь от бега и ярости. Перед ним над травами летел бесплотный мрак смерти.

И ещё Каетан увидел, что прямо на пути зубра из травы вдруг поднялся какой-то маленький старичок в колпаке и одеждах из шкур – то ли карлик, то ли просто недомерок. Дьявол его знает, откуда он тут взялся! Может, вырос под дождиком из земли, будто гриб!.. Вырос – и застыл от ужаса.

Надо было наплевать на лесного хрыча. Мало ли их бродит по чащобам. Сам виноват. Собак за лигу было слышно!.. И пускай копыта быка расшибут карлика в прах, как трухлявый пень!.. Но Каетан, не успев ничем оправдать себя, метнулся вперёд, цапнул старичка за одёжу, отшвырнул в сторону – и еле успел отпрыгнуть. Волосатая глыба вармийского исполина промелькнула мимо, обдав густым смрадом мокрой шерсти, навоза и болотной тины, и даже свет на мгновение померк: так в сече тяжёлая вражеская секира промахом свистит вдоль виска, оставляя за собой в воздухе тень непролитой крови.

Вслед за убегающим зубром по лощине с криками и лаем единой толпой промчались пёстрые собаки и конные загонщики в цветных кунтушах – все с копьями и арбалетами. Это уносилась удача Каетана, его честь, его веселье и законное место предводителя на славной пирушке. Вокруг Каетана шлёпались комья земли из-под конских копыт.

Ошеломлённый, он сидел в сырой траве, позабыв, где копьё. Сердце колотилось, словно топот зубра в груди. Поодаль под кустом бирючины завозился старичок. Он снова неуклюже поднимался на ноги. Каетан поневоле поглядел на него. Дырявый колпак, морщинистое рыльце, в бороде и космах – плесень, на плечах не жупан, а драный покров из шкур, и кушака нет: значит, нечисти не боится. «Да он же сам – нечисть!» – понял Каетан. У старичка были жуткие глаза – позеленевшие от жертвенных языческих костров.

Не дело рыцарю бояться, с ним – крест, а в небе – Бог, но Каетану стало не по себе. Видит ли Господь его под этими обложными тучами? Промозглый ясеневый лес заволакивало мутным белёсым паром. Под дождиком беззвучно шевелилась листва. Не стучал дятел, не пела сойка, не шуршали мыши в древесном опаде. Каетан вспомнил, что тишина – первый признак прусских молебных рощ.

А в них чужакам вход заказан. За ночлег в молебной роще пруссы убили святого Адальберта, и случилось это совсем недалеко отсюда...

- Ты кто? - хрипло спросил Каетан у старичка.

Он уже и сам догадался. Он спас зиггона.

Два столетия тевтонцы и немецкие епископы изгоняли язычество из упрямой Пруссии, но цели своей не достигли. Сгорели идолы и капища, упали срубленные священные дубы, но крестоносцы так и не нашли в лесах заклый город Ромув, где правил жрец Криве. И пруссы - их называли витинги - даже в крещении оставались язычниками. Ещё порой взвивались на тайных полянах запрещённые погребальные костры, ещё садились на пашни связанные из соломы «ржанные бабы», ещё жили в домах пруссов ручные ужи, и прусские князья, раздумывая над делами, посылали в Ромув гонцов, чтобы спросить совета у Криве. Этому колдуну служили ведьмаки-вайделоты, а в глухоманях укрывались зиггоны. Они поливали деревья водой из волшебных источников и кормили древнюю нежить - цмоков, смуток, живойтов, щугров и кадуков.

Зиггон распрямылся во весь росточек и вперился в Каетана немигающими змеиными глазами. Он что-то читал то ли в душе, то ли в судьбе шляхтича.

- Я тебя спас, - испуганно напомнил Каетан. - Не губи меня.

- Сауле дойдёт до моря, а Вакарине отворит окно, - сказал зиггон. - Тогда твоя кровь падёт на землю Бальги. Поспеш. Сумел меня увести - уведёшь и Лехослава. За жизнь я отблагодарю жизнью.

* * *

Рыцарей вроде Клиховских называли однощитными: не было у них ни оруженосцев, ни запасных коней - не по карману. Каетан сам оседлал кобылу Квятку. На стане, промокнув под дождём, холопы сушились у костра, ожидая своих рыцарей, и гадали об исходе охоты. А Каетану он был уже безразличен.

Сауле – это солнце пруссов. Вакарине – вечерняя звезда. Зиггон говорил о времени, когда солнце сядет за море и зажгутся звёзды. «Твоя кровь падёт на землю Бальги» – то есть в замке что-то случится с отцом: другой родни, «своей крови», у Каетана не было не только в Бальге, но вообще на белом свете. Надо мчаться в Бальгу. Зиггон сказал, что отца ещё можно успеть спасти.

Квятка неслась по дороге сквозь пушу, перепрыгивая через колдобины с дождевой водой. Мимо мелькали тёмные узловатые стволы буков и клёнов, густо зеленел орешник, в тени разрослись медуница и яснотка. Тевтонцы весной расчистили эту дорогу – готовились к войне. Гданьск и Эльблонг наверняка вышлют в залив Фриш-Гаф свои корабли, и тогда сообщение между орденскими замками можно будет поддерживать только по суше. А замок Бальга был ключом к Вармии, Натангии, Надровии, Самбии и Скаловии.

Орден завоёвывал Пруссию целых полвека, но всё-таки завоевал, и были в том виноваты сами пруссы. Лесные разбойники, они беспрестанно разоряли польское княжество Мазовию. Истерзанное княжество воззвало к небесам об избавлении, и князь Конрад поклонился Ордену: придите и защитите. Князь пообещал, что в оплату отдаст тевтонцам свою Хелминскую землю, тогда занятую грабителями. А Орден выторговал у папы Римского заодно и всю прочую языческую Пруссию, которая никому не была нужна.

Орден в ней тоже не нуждался. Тевтонцы вели войну за Гроб Господень, сражались с монголами в Киликии и маврами в Иберии, и дикая Пруссия на задворках Европы могла показаться лишним бременем. Но магистр Герман фон Зальца смотрел в будущее. Он прислал к князю Конраду двух рыцарей, и те основали первый орденский замок в Польше – Фогельзанг, Птичье Пенie. Отсюда тевтонцы начали наступление на Пруссию. Они перешли Вислу и воздвигли замки Торн и Кульм, подгребая под себя Хелминскую землю.

На захват страны у Ордена не было ни войск, ни денег. Однако Святой Престол по просьбе фон Зальцы объявил Крестовый поход против Пруссии и призвал бродячих рыцарей. А пруссы не понимали, что крестоносцев можно отразить только всем народом, и прусские племена не помогали друг другу. Тевтонцы малыми силами принялись отсекал от Пруссии кусок за куском. Каждый шаг в глубины языческой страны Орден закреплял строительством замка.

Мариенвердером он пригвоздил Помезанию, Эльбингом – Погезанию, Бальгой – Натангию и Вармию, Кёнигсбергом – Самбию. Немцы шли как по ступеням, разбивая ополчения пруссов и подавляя мятежи.

Миновало много лет, крестоносцы потеряли все крепости в Палестине, и тогда Орден осознал замысел магистра фон Зальцы. Вместо Палестины у тевтонцев появилась другая страна – Пруссия, надёжно окованная сотней орденсбургов. И Орден перебрался с берегов Леванта на берега Балтики.

Замок Бальга тевтонцы основали ещё при фон Зальце. Два тевтонских корабля – «Пилигрим» и «Фриделанд» – вышли из Эльблонга в залив Фриш-Гаф. Ветер надувал паруса с чёрными крестами, гребцы ворочали тяжёлые вёсла, грозно громоздились надстройки-«кастели», похожие на зубчатые крепостные башни. В заливе на мысу крестоносцы захватили прусскую крепость Хонеда. На её руинах и поднялась Бальга. Она стала резиденцией конвента – собрания рыцарей, а затем и комтура – командира всей области.

В кирпичную кладку могучих стен Бальги были вмурованы дикие валуны – фильдиги. С вершины бургфрида, главной башни, дозорные видели дальнюю косу Фрише Нерунг, отделяющую Фриш-Гаф от моря, и пролив Зеетиф – судовой ход. Волны плясали вокруг башни-данцкера, соединённой с замком галереей на арках, и пушки данцкера держали под прицелом гавань, чтобы вражеские корабли не осмелились приблизиться к причалу. С другой стороны замка выкопали глубокий ров и перекрыли его подъёмным мостом. За рвом расположился форбург – городок для полубратьев, тоже огороженный стеной, а дальше возле кирхи рассыпались избушки пруссов-витингов с амбарами и корчмами. Багровые башни и черепичные крыши замка, вечно мокрые от балтийской непогоды, вздымались над соломенными кровлями предместья, как дракон в медной чешуе. Но до Бальги Каетану было ещё скакать и скакать.

Дорога вывела на бревенчатый мост через тёмную болотистую речку. Мост, конечно, соорудили тевтонцы. Каетан натянул поводья, придерживая Квятку. Путь перегораживал орденский караул: четыре брата-сарианта в серых суконных плащах поверх кольчуг-хауберков, а с ними рыцарь в глухом шлеме-топфгельме, похожем на клёпаное ведро, и в белом льняном плаще-герренмантеле с латинским крестом – узким и чёрным, как прорезь.

– Оплату, – спокойно сказал один из сариантов.

У Каетана не было ничего – ни германского пфеннига, ни польского скойца. Он не взял кошель, потому что поехал на охоту, а не на ярмарку.

– Я на службе у комтура Бальги Зигфрида фон Шварцбурга! Я шляхтич Клиховский! Слово чести, что в Бальге я верну вам деньги!

Но у Каетана не было щита с родовым гербом. И ехал он по лесу один, а не в толпе других шляхтичей, которые могли бы подтвердить его слова.

– Оплату, – повторил сариант.

Каетан понял, что его не пропустят. Немцы не алчные, но упорные даже в малой корысти и от своих правил не отступают.

– Клянусь ранами Христа, у меня в Бальге отец попал в беду! – отчаянно взмолился Каетан. – Я тороплюсь! Господин рыцарь, прошу о милости!..

Железный топфгельм не выражал никаких чувств. Проще было взывать к пивному котлу. Сарианты угрожающе наклонили копья.

...Истинный рыцарь двинул бы коня прямо на караул: пешим конного не остановить. Но Каетану не хватило духа. Мелкий дождик сеялся на плахи моста, на тёмную воду речки, на суконные плечи сариантов. Каетана душила ненависть к немцам, к их плащам и крестам, к их неумолимой властности и тяжёлому, узловатому языку. Но Каетан покорно попятил Квятку, повернул её и съехал с дороги. От унижения у него дрожали губы, как у ребёнка.

Он заметил брод совсем недалеко от моста. Топкий берег здесь зарос густой осокой. Квятка хлюпала копытами и недовольно мотала башкой, не доверяя воде. Каетан похлопал её по шее, успокаивая, и послал вперёд.

Но дьявол, желая погубить человека, становится упрямым, как немец. Почти на середине реки Квятка вдруг оборвалась на правую заднюю ногу и осела, а потом дико заржала и начала биться, взметая фонтаны брызг. Каетан не удержался в седле и боком рухнул в воду, нелепо цепляясь за поводья. На счастье, он не запутался в стремях, не то бы захлебнулся, повиснув вниз головой. Он извернулся и вскочил, оскальзываясь на зыбком дне, и вслепую наткнулся сапогом на илистую корягу – это на неё напоролась лошадь.

Квятка металась на месте, ржала и вскидывалась на дыбы, молотила передними ногами, как в галопе, и не подпускала к себе. Каетан понял, что она застряла задним правым копытом в коряге, а потом дёрнулась освободиться – и что-то повредила: вывихнула сустав или даже надломила плюсну. Каетан беспомощно смотрел на несчастную кобылу, не зная, что делать.

Он обернулся. Немцы молча глядели на шляхтича и его покалеченную лошадь. Речка журчала вокруг мостовых свай. Над осокой носились кулики. За мостом на западе тускло светилось облачное небо. Невидимое солнце таяло в лесных вершинах. Гнилой угол Балтики тихо прел в тёплой мороси дождя.

Каетан осознал, что теперь он уже точно опоздает спасти отца.

* * *

Лехослав Клиховский погиб не в сражении с врагами, а просто так – совершенно случайно. Он поднимался на стену форбурга в дозор по наружной деревянной лестнице, но подломилась ступенька. Лехослав упал с большой высоты и умер сразу, без мучений. В этот миг солнце скрылось за морем.

Каетан добрался до замка только ночью. Маршал не счёл необходимым прерывать свой сон ради выражения соболезнований сыну усопшего. На следующий день по старому шляхтичу отслужили положенную мессу и погребли тело на кладбище возле кирхи. Потом Каетана вызвал комтур.

У Зигфрида фон Шварцбурга были тяжёлое крестьянское лицо и короткая седая борода. Он положил на стол перед Каетаном лист вертага, подписанный паном Клиховским, и два маленьких гольдгульдена данцигской чеканки с грубым изображением святого Георгия – покровителя рыцарства.

– Ваш отец отслужил треть срока, и я выдаю вам третью долю цены.

– В случае гибели положено платить всю цену, – возразил Каетан.

– Гибели на войне, а не по глупости, – надменно ответил комтур.

Две монетки, оловянная посуда, конь Лотржик и заросшее бурьяном пепелище под Залесе-Погожелью – вот и всё, что осталось Каетану от отца.

Каетан пришёл на кладбище Бальги. Могила отца находилась на окраине. Каетан поцеловал свежую землю и не выдержал, заплакал. Во всём виноваты немцы! Если бы они пропустили его по мосту, он успел бы в Бальгу до заката и пошёл бы в дозор вместо батюшки! Но немцы – это дети Велиала, их сердца очерствели в гордыне, и они согласны чтить только свои законы, попирая чужие судьбы в ослеплении себялюбия! Будь они прокляты! Не жалко и душу дьяволу отдать, лишь бы низвергнулся Тевтонский орден!

Деньги у Каетана теперь имелись, и с кладбища он направился в корчму. Приземистая изба с высокой крышей из дёрна призывно дымила деревянной трубой очага. У длинной коновязи стояли три лошади с торбами на мордах. В полутьме корчмы Каетан увидел местных рыбаков, саксонцев-наёмников, бродягу и каких-то проезжих купцов. Столы были затёрты маслом, как сёдла, – еду подавали на лепёшках, а не на тарелках. Каетан сел под маленьким оконцем. Корчмарь-витинг принёс ему глиняный кувшин с хмельным хелем и кружку.

Каетан пил и слушал, как рыбак рассказывает купцу о новом чуде:

– Я сам ходил к левиафану, клянусь ключами апостола Петра! Его весной выбросило на косу Фрише Нерунг! Размером был с эльбингское судно, никак не меньше! Это знамение крестоносцам – погибнет левиафан!

– Ты потише на Орден каркай, – опасно ответил купец.

На втором кувшине к Каетану пристроился какой-то человек, судя по всему, паломник: широкая шляпа, плащ с нашитыми ракушками, фляга из тыквы и чётки, намотанные на запястье. Многие рыцари ходили на поклонение в Кёнигсберг в часовню Святого Георгия на кладбище прокажённых.

– Узнаёшь меня? – спросил паломник.

– А должен? – неохотно ответил Каетан.

- Никто не узнаёт, – усмехнулся паломник. – Я Бафомет.

Каетан пожал плечами. Ему было плевать на сумасшествие чужака.

- Хочешь, расскажу о тебе? – предложил паломник. – Недавно ты спас зиггона. Он предупредил тебя о гибели отца. А ты не успел его уберечь, ибо испугался драки на мосту. Комтур обсчитал тебя в плате. И ты проклял Орден.

Каетан в ужасе отпрянул от стола. Глаза собеседника горели углями.

- А если я перекрещу тебя? – хрипло спросил Каетан, складывая пальцы.

- Не надо, не люблю этого, – сморщился Бафомет. – У меня к тебе дело.

- Я с лукавым дел не веду! – сразу отрёкся Каетан.

- А ты посмотри...

Рукой, закрытой рукавом, Бафомет наклонил стоящий на столе кувшин. Хель выплеснулся – и завис в воздухе. И всё вокруг застыло: языки огня в очаге, корчмарь, прячущий деньги в кошель, рыбак, жующий хлеб, саксонский наёмник, протянувший двузубую вилку к миске с мочёной репой, бродяга, тайком запускающий пятерню в мешок купца на лавке, и даже птица в окне.

- Мы нигде и никогда, – сказал Бафомет. – Поговорить – не грех. Тот, Чьё Имя я не назову, ничего не проведает. Но мне от тебя много и не нужно.

Каетан ошарашенно озирался по сторонам.

- Ты хотел, чтобы Орден погиб, – напомнил Бафомет. – Могу помочь.

- Тевтонцы – слуги твои!..

- Ты не прав. Тевтонцы мне не служат. И не служили от века своего. Их Орден – вор. Он украл у меня вещь, которая мне очень дорога. И я хочу её вернуть. Ради этого я согласен стереть Орден с лица земли.

– Сделай хель обратно, – обессиленно попросил Каетан.

Бафомет выпростал руку из рукава и цокнул по кружке чёрным когтем. Каетан схватил кружку и жадно глотнул. От хмельного полегчало.

– Имя моей вещи – Лигуэт, – продолжил дьявол. – Крестоносцы увезли его со Святой земли, а Верховный магистр спрятал в столице Ордена – в Мариенбурге. Но я отправлю с тобой своего посланника, и он обрушит гордый замок. А ты просто войди в Мариенбург с победителями и отыщи Лигуэт. Как завладеешь им, я сразу явлюсь, чтобы принять его у тебя. Вот и всё.

Каетан торопливо размышлял: в чём подвох? Дьявол не благодетель!

– Что такое этот Лигуэт?

– Поймёшь, если согласишься.

– А почему твой посланник сам не возьмёт его в Мальборке?

– Я отдал Лигуэт воину. Воин знал, какую вещь он берёт. И вернуть мне Лигуэт тоже должен воин, который знает, какую вещь отдаёт.

– Я тебе не верю! – в бессилии сказал Каетан. – Ты меня соблазняешь! Твой Лигуэт будет людей губить!

Бафомет рассмеялся как над детскими страхами:

– Лигуэт – мой, а не ваш и не его. – Бафомет указал чёрным когтем на закопчённую кровлю корчмы. – Вы, люди, и без Лигуэта истребляете друг друга так, что я только завидую. Вы себя и ближних своих научились губить даже именем Того, Кого я не называю. Лигуэт вам ни к чему. Отдайте его.

Мысли Каетана метались в поисках ловушки.

– А чем я с тобой расплачусь?

– Да ничем. – Бафомет пожал плечами. – Лигуэта будет достаточно.

– Нет, ты душу мою заберёшь!

Бафомет посмотрел на него сквозь прищур.

– Ты трус, мой юный друг, – сказал он. – Ты ненавидишь Орден, но там, на мосту, утратился схватки с сариантами. И сейчас ты хочешь уничтожить Орден, но не своими руками, а моими. Зачем мне красть твою душу? Трусу мне её сам принесёт. Слабый духом мимо ада не проскочит.

В словах Бафомета Каетан услышал такое же презрение, как в словах комтура. Однако комтур презирал в нём поляка, а Бафомет – человека.

Но что ему, Каетану, презрение врагов рода людского? Благословляйте попирающих вас – они вас в Царство Небесное толкают! А Орден сгинет.

– Я согласен, – решившись, сказал Каетан.

– Ну, клятву крестом я с тебя не потребую... Поклянись кровью.

– Надо, чтобы я договор с тобой подписал?

– Я не комтур, а бумага – тлен, – сказал Бафомет. – Вечно только слово.

– Клянусь кровью своей! – произнёс Каетан шёпотом, будто его мог услышать кто-то ещё, кроме дьявола.

Кувшин упал на стол, и хель разлился по доскам. Затрещали угли в очаге, и загудела тяга в дымовой трубе. Звякнула монета в кошеле у корчмаря, наёмник ткнул вилкой в репу, и купец ухватил вора за руку.

* * *

Встреча в корчме снилась ему снова и снова, но разговоры с Бафометом не повторялись – всегда были другими. Так Бафомет сообщал то, что хотел

сообщить. И однажды он сказал: «Время пришло. Найди обезглавленного».

На следующий день Каетан понял, о чём говорил ему дьявол.

Четырёх купцов, приговорённых к смерти, привезли на Фиалковую гору. Отсюда был виден весь Кралев, немецкий Кёнигсберг. Кирпичные стены с круглыми башнями окружали орденский замок с домом конвента и громадой бургфрида. Замок стерёг три небольших городка: Альтштадт на берегу реки Прегель, Лёбенихт поодаль и Кнайпхоф на острове. Над красными кровлями торчали острые шпили ратуш и кирх. Вокруг городков на палевых осенних лугах в лёгкой дымке рассыпались деревни, блестели мельничные пруды.

Три города Кёнигсберга восстали против Ордена. Однако ремесленный люд не пожелал сражаться с рыцарями ради прибылей торговцев и восстал против купцов. Купцы и бургомистры заняли оборону за стенами островного Кнайпхофа. А Орден собрал по замкам наёмников и направил их в Кёнигсберг. Вот так Каетан и попал сюда из Бальги. При виде войск, белых знамён с чёрными лапчатыми крестами и колёсных перьер, способных метать камни поверх городских стен, дерзкий Кнайпхоф одумался. Бургомистры слёзно покаялись, а город согласился сдаться и выдать зачинщиков смуты.

На Фиалковой горе, где издавна казнили злодеев, сколотили эшафот. Комтур огласил приговор, смертники опустили на колени, и монах поднёс им распяты. Ветерок шевелил белые рубашки обречённых. Толпа замерла в ожидании, кто-то крестился, кто-то рыдал. На эшафоте орденский палач, присланный из Мариенбурга, надвинул зубчатый колпак с прорезями для глаз. Помощник вынес ножны, и палач вытащил из них длинный двуручный меч. Удары клинка были так точны и сильны, что отрубленные головы одна за другой полетели с эшафота прямо под ноги обомлевших от ужаса людей.

Каетан догадывался, что дьяволу нет дела до войны Ордена с торговыми городами. Здесь, в Кёнигсберге, дьявол указывал на другое – на мрачную суть Лигуэта. Потому что Лигуэт тоже был мечом палача.

Во сне Каетана Бафомет рассказал историю меча.

В стране Моав, где холмы иссушены солнцем, словно хлебные корки, не было места нечестивее, чем дворец тетрарха Ирода Антипы на горе Махерон. Здесь

Антипа предавался возлияниям и порокам. Ложе его разделяли падшие моавитянки, галилейские блудницы и юные воины дворцовой стражи. Но Антипе того было мало, и он взял в жёны жестокую Иродиаду, жену своего брата. Иродиада не уступала Антипе в разврате, принимая у себя в покоях римских центурионов, поэтов Исфахана, чародеев из далёкой страны Синд, пафлагонских великанов и сказочно богатых торговцев жемчугом из Аравии.

Первым врагом растленных владык был Иоанн Предтеча. Он громогласно обличал царский вертеп на Махероне. Антипа повелел свергнуть пророка в узилище под дворцом, однако не умертвил, ибо народ Иудеи почитал Иоанна Крестителем. А мстительная Иродиада страстно возжелала смерти Иоанна.

Она отправила на пир к Антипе прекрасную Саломею – свою дочь от прежнего супруга. Саломея обнажила грудь и закружилась в танце. Танец воспламенил сердце тетрарха, однако Антипа всё равно не протянул Саломее руку, опасаясь гнева Иродиады. И Саломея по наущению матери сказала ему: заплати за меня головой Иоанна, и не будет тебе укора. Ирод тотчас призвал воина и послал его за головой узника. Воин ушёл. А в тёмных подземельях Махерона его охватил страх: не обрушатся ли на него кары небесные?

– Тогда к тому воину и явился я, – в одном из снов, посмеиваясь, поведал Каетану Бафомет. – Я дал трусу свой меч. И воин смело снёс голову Иоанну. Такова сила Лигуэта, его власть над бранными людьми и нетленными вещами.

– Твой меч превращает нас в твоих рабов? – хмуро спросил Каетан.

– На что мне это? – расхохотался дьявол. – Вы и так мне служите неплохо.

– Тогда в чём же тайна?

– У моего оружия сразу три тайны, – самодовольно ответил Бафомет. – О, как я ценю свой клинок!.. Он рассекает любую материю: и булат, и гранит. А тот, кто держит его, освобождается от расплаты за дела, сотворённые этим оружием. Вот поэтому трусливый воин Махерона исполнил приказ Ирода Антипы. И я не солгал убийце Предтечи. Там, – Бафомет указал на кровлю корчмы, – так не узнали его имя. И небесам некого было наказывать.

– Какова же третья тайна Лигуэта? – напомнил Каетан.

– Тебе её знать не надо, – свысока отмахнулся дьявол.

Пройдёт время, и Каэтан узнает эту тайну. И знание не принесёт радости.

Обретённый меч воин Махерона отдал Ироду Антипе. Меч хранился в сокровищнице Тивериадского дворца. Медленно текли столетия. В Тивериаде римлян сменили греки-ромеев, ромеев – персы, персов – магометане, а тех изгнали крестоносцы. Лигуэт переходил от одних властелинов к другим. Когда султан Саладин подступил к Тивериаде, рыцари-госпитальеры увезли меч к себе в город Акру. Госпитальеры полагали, что святыня принадлежит им, потому что Иоанн Креститель был небесным покровителем их ордена. А после падения Акры дьявол потерял след меча, но через годы наконец обнаружил Лигуэт у тевтонцев в Мариенбурге.

– Без моей помощи этот замок никому не сокрушить, – во сне Каэтана говорил Бафомет. – Но ты выпустишь того, кто одолеет твердыню Ордена.

Каэтан должен был поднять его из могилы на Кладбище Обезглавленных.

Кладбище находилось за Фиалковой горой. Здесь хоронили казнённых, часто – безродных бродяг, и за могилами ухаживали рыцари из фирмария – орденского приюта для стариков и увечных. Каэтан вышел из замка, когда колокол-сигнум на башне Хабертурм отбил час ночного караула.

Тропа бежала через пожухлые пастбища. Обглоданная луна освещала пустынные пространства, полого укатывающиеся к созвездию Водолея.

Покой Обезглавленных – если они обрели его, конечно, – охраняла старая часовня. Каэтан издалека увидел в её узком окне крохотный дрожащий огонёк. Наверное, это горела поминальная свеча. Но огонёк вдруг погас.

Надгробные плиты лежали как попало. Мох затягивал краткие надписи. Небрежно вытесанные каменные кресты клонились направо и налево, будто тянулись друг к другу. Каэтану казалось, что он слышит шёпот, пролетающий меж могил бесплотными порывами: это разволновались души погребённых. Мертвецы, казнённые по заслугам, словно предвкушали месть, а погубленные безвинно торопились посмеяться над пришельцем, пока тот ещё жив.

Где-то далеко-далеко, наверное, в Кёнигсберге, завывала собака. Её вой доплыл до Фиалковой горы, превратившись в тонкую нитку боли.

Каетан выбрал мертвеца на отшибе. Он не хотел раскапывать недавних покойников – они пока слишком близки к жизни. Лопата взрезала плотный дёрн, словно упругую брюшину. Каетан копал, не глядя по сторонам.

Кто там бродит вокруг, что там струится в тёмном воздухе? Не важно! Хотя сердце Каетана сосала ледяная жуть – так вампир, запертый в гробу, сосёт камень, который на похоронах ему вложили в рот. Говорят, что ночью на кладбищах с креста на крест мягко прыгает Чёрный Кот. Говорят, если на кладбище похоронена невинная невеста, то ночью она блуждает по могилам – ищет себе жениха, и не дай бог, если обнимет синими руками и поцелует в губы. Говорят, при входе на погост надо обронить монету, дабы Ночной Привратник выпустил обратно... Говорят, всегда найдётся могила, на которой в полночь зажигается лампада: кто увидит её – станет призраком. Говорят, нельзя кланяться, иначе рядом появится Швея Саванов и тесёмкой измерит тебе плечи. А ещё есть Длинная Вдова. И Лютня Мёртвых, чей звон лишает разума. И Облако-Сон: попадёшь в него – и проснёшься уже погребённым...

Лопата ударила в доски. Топчась в разрытой яме, Каетан еле расчистил гнилой гроб. Кто в нём лежит? Что сейчас случится? Полуистлевшая луна висела прямо над головой. Каетан выкинул лопату наверх и вылез сам.

Он встал на колени и тихо произнёс, как научил его Бафомет:

– Venite ad me: et daemonium! Exercitum ad vitam vocat te!

Что-то полыхнуло, и крышка гроба, подброшенная могучим ударом, вылетела из могилы, разваливаясь на части. Обломки застучали по крестам. Каетан сжался, ожидая, что наружу, хлеща хвостом, ползет чудовище с рогами и багровыми глазами. Но никто не лез. Каетан боялся заглянуть в разверстную яму, а оттуда не доносилось ни звука. Наконец Каетан преодолел свой страх, медленно поднялся на ноги и посмотрел в могилу как в бездну.

В гробу лежала прекрасная девушка в белом платье и венке из лилий.

Это был суккуб.

Глава третья

Гостиница «Золотой якорь» стояла на широкой набережной Иннехафена. По слухам, до войны в этой гостинице останавливался сам Гитлер. Сейчас здесь размещалась комендатура. Женя Луданная допоздна засиделась на узле связи, где теснились телефонисты и шифровальщики Одиннадцатой армии.

С группой Пакарклиса она скучала: это была работа для библиотекаря, а не для контрразведчика. Но появление гауляйтера, или кто там прилетел вместо него, Женю разволновало. Она решила пока не сообщать начальству о Кохе, чтобы дело не поручили кому-то другому, более авторитетному. Пусть её поиски гауляйтера выглядят как экспедиция литовских историков.

Хоть умри, Жене надо было пробраться в катакомбы – только так она могла взять след Эриха Коха или его эмиссаров. Перед отъездом из Лохштедта Женя обшарила подвал замка и нашла несколько полузасыпанных щелей. В какую из них пролезли гости с гидроплана?.. Конечно, самое простое – вызвать солдат и расчистить подвал, но тогда придётся объяснять цель этих работ, то есть сообщать о гауляйтере. Этот вариант Женю не устраивал.

Она попробовала поискать документы о подземельях полуострова, и всё напрасно. Городские архивы Пиллау лежали под руинами ратуши, да и вряд ли там имелись планы секретных объектов вроде резиденции гауляйтера или подземной железной дороги. Архивы городского гестапо исчезли. В рейхе возведением оборонных сооружений занималась организация Фрица Тодта; увы, её штаб находился в Висбадене и попал в зону оккупации союзников.

Попутно Женя поручила смершевцам в Инстербурге найти данные о Пауле Бадштубере, младшем инспекторе дорожной службы, и направила в комендатуру Данцига запрос на биографию и словесный портрет Винцента Клиховского. В политотделе штаба фронта Женя затребовала ориентировку на Эриха Коха: кем был, как выглядел, чем занимался в Пиллау и куда подевался?

Женя закурила, раздумывая, что делать, и ей в голову пришла ещё одна идея. Надо найти бойцов, которые штурмовали Лохштедт. Они могли видеть проход в подземелье – значит, смогут показать его. Хотя бы приблизительно. Авось удастся обойтись без солдат и расчистки огромного помещения. Женя связалась с армейским управлением СМЕРШа, попросила поднять журналы боевых действий и выяснить, какие подразделения брали старый замок. В час ночи она получила сводку из Кёнигсберга: чёрт возьми, все воинские части, что воевали в районе тевтонского замка, уже переведены в Кёнигсберг.

С узла связи в коридор Женю вызвал майор Перебатов. Он улыбался. Он и не помнил о тех неприятных вещах, которые говорил Жене днём.

– Женька, я освободился. – Перебатов заговорщицки подмигнул. – Двинем к тебе? Пора бай-бай. Юбочка-то жмёт?

– Сегодня любовь отменяется, Коля, – холодно ответила Женя. – Некогда.

Перебатов разозлился. Он не терпел женского своеволия.

– Хорош, забудь уже про службу! – Майор собою задвинул Женю в угол коридора. – Баба при мужике должна состоять, а не при знамени!

Когда-то Жене нравились хозяйские ухватки Перебатова и его сильное, большое тело, а теперь всё это раздражало.

– Не мешай, Перебатов! – Женя оттолкнула майора и поспешила прочь.

Её осенила новая идея. Да, подразделения переведены в Кёнигсберг, но в Пиллау наверняка оставались раненые из этих подразделений. Женя опять села возле коммутатора и принялась обзванивать городские госпитали. И наконец-то ей повезло. На Зеештрассе-1 долечивался от контузии сержант из нужного Жене стрелкового полка. Звали сержанта Владимир Нечаев.

Женю не остановило, что на дворе – третий час. Она сама подписала себе путевой лист. У крыльца комендатуры ожидал разъездной «виллис».

– Дядя Гриша, в госпиталь на Зеештрассе, – сказала Женя водителю.

– Это у кирхи разрушенной? – Дядя Гриша зевнул. – Ясно. Пулей домчу.

– Не надо пулей. Езжай нормально.

Машина прыгала на выбоинах, Женя хваталась за борт и размышляла о своей жизни. Она никогда не предполагала, что окажется в СМЕРШе. После техникума её, москвичку, распределили на текстильный комбинат в Шую бухгалтером. Тоска зелёная. Женя осаждала военкомат до сорок третьего года и добилась повестки. Она думала, что её отправят на курсы санинструкторов или зенитчиц, но попала в финотдел контрразведки. И сумела вырваться.

«Виллис» проехал по мосту над поблёскивающим Крепостным каналом. Слева в темноте широко распротёрлась Шведская цитадель, расплющенная обстрелом и бомбёжками. Над цитаделью висела ярко-белая луна с отколотым краем, будто луну задели очередью из крупнокалиберного пулемёта.

В контрразведке Женю ценили как аналитика. Да, её редко брали на задержания или зачистки, но капитан Луданная умела организовать поиск диверсионных групп в оперативном тылу и выявлять агентуру, оставленную на оседание. Луданная знала язык, разбиралась в экономике Германии и по директивам эвакуационных подразделений рейха и вермахта определяла, куда немцы вывозили захваченные ценности или техническую документацию предприятий. Потому Жене и поручили группу Пакарклиса.

Даже в сорок пятом несведущие новички порой шутили, называя Женю счетоводом контрразведки, однако затыкались, увидев её боевые награды. Под Оршей, ещё лейтенантом, ей случилось принять командование разбитой стрелковой ротой. В хаосе наступления на Шяуляй, когда немцы прорывались через советские тылы, контрразведка заманила в западную большую войсковую группировку; смершевцы сами расстреляли «панцеры» и «штуги» из противотанковых ружей и вынудили пехоту сдаться. А прошедшей зимой при прорыве на Замланд дивизия, в которой была Женя, попала в кольцо, и за оборону мельницы в посёлке Тиренберг Женя получила «Красное Знамя».

Долететь до госпиталя пулей у дяди Гриши всё равно бы не вышло: по пути «виллис» трижды тормозил возле комендантских патрулей. Вокруг был полуразрушенный город. Выщербленные стены домов с намалёванными призывами «Sieg oder Sibirien!», чёрные проёмы окон, торчащие балки, груды

кирпича и черепицы, раздавленное немецкое орудие, нелепая вывеска кафе... Слева проплыла громада учебной базы подводного флота, потом справа – освещённые прожекторами руины вокзала и шеренги товарных вагонов. Станция жила бурной ночной жизнью: дымили паровозы, лязгали буфера, бригады из военнопленных таскали ящики. Пиллау был забит имуществом, брошенным немцами при эвакуации. Уступая город под базу Балтфлота, армейское командование торопилось вывезти как можно больше трофеев.

Фронт готовился к расформированию, и многих ожидала демобилизация, а Женя надеялась остаться в армии. Ей нравилось в контрразведке. Здесь, в армии, она может достичь таких высот, до каких на гражданке ей никогда не подняться. Здесь пригодится всё, что в ней есть, – и ум, и характер. Однако Женя совершила одну большую ошибку: легла в койку с Перебатовым. Ох, напрасно она поддалась обаятельной самоуверенности майора.

На войне Коля брал напором и смёткой, но после победы этих достоинств уже не хватало. Коля готовился расстаться с погонами. Об этом он вовсе не сожалел, однако не соглашался потерять Женю – «пэпэжэ», как говорили на фронте, «походно-полевую жену». И он принялся добиваться, чтобы Женю тоже демобилизовали. С бесстыжим упрямством Коля повсюду твердил, что Луданная бесполезна для контрразведки. На самолюбие Жени ему было плевать: бабьи глупости. А Женя смотрела на Колю с лёгким презрением. Коля не понимал, что для неё он был только жеребцом, и даже не племенным.

В Управлении контрразведки Перебатова считали хорошим мужиком, к его словам прислушивались. Женю, похоже, и вправду решили списать в запас. Вот потому ей и нужен был успех. Результат. Например, гауляйтер.

Госпиталь располагался в здании бывшей народной школы для девочек. Девочек отсюда вытурили сами немцы ещё в сорок третьем году. Рядом с госпиталем торчали острые руины кирхи «Мария Морская Звезда».

После капитуляции немцев на косе Фрише Нерунг госпитали потихоньку разгружались. Кого-то из раненых перевезли в Кёнигсберг или выписали, кто-то умер. Койки уже не загромождали коридоры, из палат не звучали стоны и ругательства, доктора и медбратья не валились с ног. В опустевшем приёмном покое горела тусклая лампочка. Женя прошла в кабинет дежурного врача.

– Вам чего, товарищ капитан? – удивился тот, откладывая газету.

– Вызовите сержанта Владимира Нечаева, – сказала Женя.

* * *

Чтобы не привлекать внимания к расследованию, Луданная не запросила сегодня воинского сопровождения. После ночного дождика взрытый пустырь вокруг замка покрылся пятнами зелёного пуха. На берегу всё так же топорщил красные крылья гидроплан, на нём сидели чайки. По заливу шёл тральщик.

– Давайте по-покурим, товарищ капитан, – предложил Володя Нечаев.

После контузии он слегка заикался.

Из обвисших застиранных брюк, выданных госпитальной кастеляншей, он выудил кисет с надписью: «Дорогому засчитнику Родины!» Такие кисеты расшивали девушки в деревнях и присылали на фронт, кому уж достанется.

– Угощайтесь. – Женя протянула пачку трофейных сигарет «Силезия».

– Спа-асибо.

Женя отметила, что сержант сказал «спасибо», а не «благодарю» или даже «благодарствую», как сказал бы человек из народа. Образованный парень.

Володя Нечаев ей понравился. Скуластый, губастый, светловолосый, с грустными русскими глазами. Высокий, широкий и по-юношески худой – статью похож на Перебатова, но ещё не заматерел, как зрелый мужик. Нечаеву было лет двадцать пять – чуть-чуть поменьше, чем Жене. Он молча курил, озираясь по сторонам, и Женя поняла, что он провалился в прошлое.

...Немцы готовились драться до последнего патрона. Узкий полуостров пересекали шесть линий обороны. Траншеи полного профиля, минные поля, валы из колючей проволоки, доты с бронеколпаками, пулемётные гнёзда, вкопанные штурмовые орудия, танки и самоходки... Вдоль берега Балтики в зыбкие дюны

вросли морские батареи; их бетонные укрепления казались чудовищными раковыми опухолями – не вылечить и не вырезать, только выжечь, но во все стороны расползаются метастазы боевых ходов.

Штаб фронта двинул вперёд армию генерала Галицкого – Одиннадцатую гвардейскую. Двадцатого апреля гвардейцы взяли первую линию немцев. День тогда был совсем не героический: мелкий дождик сразу превращался в клубы пара. Фронт навис над вторым немецким рубежом – над противотанковым рвом в районе замка Лохштедт. Ясным утром 22 апреля артиллерия начала гвоздить позиции врага. В сплошном рёве разрывов, не падая, медленно кувыркались и перемешивались груды земли, облака пламени, тучи дыма, брёвна и обломки бетона. Длинными прочерками огненных когтей безостановочно полыхали залпы реактивных миномётов. После артподготовки в пекло пошла пехота.

Земля тряслась, подбрасывала, вылетала из-под ног. Душила гарь. Воздух порой уплотнялся как резина и бил отдачей. Над пустырём перед Лохштедтом пересекались пулемётные трассы. Подскочил дыбом и покатился бронеколпак дота. В изъеденных окнах замка злобно искрились звёзды автоматов. По каске колотили комья грунта. Размазанный по песку батальон упростился в грязных и бесчувственных муравьёв. Одни упрямо ползли на четвереньках, ныряя в воронки, другие прикрывали их очередями. Если у муравья шинель на спине вскипала клочьями сукна, то муравей затихал. Они, эти муравьи, отскребали и отгрызали пространство маленькими кусочками, чёрствыми корочками, крошечками, точили его, истирая в труху, пока не очутились у кирпичных стен, и тогда в окна полетели гранаты. Замок всеми ртами закашлял огнём.

...Володя понял, что контрразведчица догадалась о его мыслях. Он виновато улыбнулся. Ему нечего было рассказать о штурме замка. Но товарищ капитан должна понять. У неё самой на груди планка с боевыми наградами. Володя до сих пор верил, что красивые женщины непременно умные и добрые.

– Давно вы на фронте, товарищ капитан? – спросил Володя.

– Женя, – ответила Луданная.

– Кто – Ж-женя? – растерялся Володя.

– Я – Женя. Так проще. Пойдём, покажешь, что видел.

Женя подняла за ручку большой аккумуляторный фонарь. Володя мягко отобрал его и снова виновато улыбнулся:

– Я понесу, товарищ ка-капитан...

– Женя, – настойчиво повторила Луданная.

Клиховский смотрел на них из окна рыцарской капеллы. Судя по лицу, русский солдат – славный парень. Но немецкие солдаты, что стояли здесь насмерть, тоже были славными парнями. Это неважно. Все они – и русские, и немцы – только орудия в руках Бафомета. Ничего не подозревающие орудия.

Пакарклис и его спутники возились в дальнем зале, складывали книги в ящики из-под патронов. Володя, Луданная и Клиховский, хрустя подошвами по битому кирпичу, прошли к лестнице, ведущей в подвал замка.

Жёлтый луч фонаря бегал по выщербленным сводам, заострённым аркам и обглоданным колоннам. В грудах кирпичей – вздутые трупы, доски, лапы старинных люстр, пустые автоматные магазины, обломки резной мебели, каски, канделябры с завитушками, патронные цинки... Запах смерти и чувство безысходности. Воспоминания опять накрыли Володю, как взрывная волна.

...Штурмуя старинные форты Кёнигсберга, огнемётчики подбирались к амбразурам и выжигали обороняющиеся казематы струями огня. Но здесь, в Лохштедте, огнемётчиков не было. Бойцы швырнули в подвал десяток гранат и скатились вниз, пока пыль ещё не осела. Комбат пальнул вглубь сигнальной ракетой. Горело какое-то тряпье, сыпались кирпичи, во мгле металась и орали фрицы. Бойцы били из автоматов по любому движению, а уцелевшие немцы огрызались из-за колонн. В замкнутом объёме страшно грохотали пулемёты, во все углы вкривь и вкось, искря, лупили рикошеты. Комбату оторвало руку с плечом, полегли Яким Асташонок и Лаврик, Исмаил Галимуллин, Санька Герасимов, дядя Федот и Лёшка Долгополов...

– Куда немцы отступали? – спросила Луданная.

Володя очнулся. Он уверенно направился вдоль стены, вскарабкался на кучу кирпичей и замер в неустойчивой позе, держась за обломок стены.

- Посветите вон ту-туда. - Он указал рукой.

Женя осветила бесформенную грудку, из которой торчал угловатый блок намертво сцементированных кирпичей.

- Тут под мусором бе-бетонный люк со стальной к-крышкой, - пояснил Володя. - Немцы туда прыгали. А мы за ними на верную с-смерть не полезли. Мы решили обрушить подвал, чтобы за-засыпать люк. Рванули взрывчаткой своды, но получилось так, ка-как видите... Люк только немного придавило.

Женя еле покачала блок из сцементированных кирпичей.

- Я бы не сказала, что немного, - с сомнением заметила она.

- Его уже не мы уронили. При нас он ещё в потолке то-торчал.

Клиховский увидел, как переменялось и потемнело лицо Луданной. По-русски Винцент понимал очень плохо и потому потребовал:

- Переведите мне!

Женя перевела рассказ сержанта Нечаева и добавила:

- Судя по всему, гости с гидроплана знали о люке. Откопали его и ушли по катакомбам. А заряд с замедлителем уронил эту глыбу и перекрыл путь.

- То есть мы их потеряли? - уточнил Клиховский.

Володя понял, что красивая контрразведчица разочарована и ожесточена. А её напарник, поляк с мрачными глазами и в испачканном пальто, вообще казался приговорённым к расстрелу. Володя чувствовал, что понравился контрразведчице, и ему захотелось помочь, чтобы она улыбнулась. Война ведь закончилась. Мы победили. Всем должно быть хорошо.

- Вы разыскиваете ди-диверсантов, товарищ капитан? - спросил Володя.

– Их двое. Они хорошо здесь ориентируются. А мы – плохо.

Поколебавшись, Володя Нечаев произнёс по-немецки:

– Я знаю то-того, кто ходил по этому подземелью отсюда и до П-пиллау.

* * *

Это был старик ополченец. Володю поразило его лицо: обветренное до красноты, хищное, в грязной щетине. Чёрный морской бушлат с выцветшими нашивками он подпоясал ремнём, на рукаве багровела повязка фольксштурма, из-под кепи торчали седые космы. Старик стоял над люком в полный рост и беспощадно бил по русским из допотопной винтовки «маузер».

– Гэе вэг, их дэке дих аб! – хрипло кричал он, будто задыхался.

Солдаты прыгали в люк, разверстый у ног фольксштурмовца. Казалось, что старику, прикрывающему отступление, не выжить, но каким-то чудом его не задело ни пулей, ни осколком. Нелепо корячась, он тоже полез в люк и канул в темноту колодца. Он стал последним, кто ушёл из подвала замка живым.

Володя, конечно, забыл о седом фашисте, но сейчас, вернувшись на место боя, сообразил, что именно этого ополченца он потом встретил в Пиллау.

Гитлер учредил фольксштурм осенью сорок четвёртого, когда советские войска взломали границу рейха – ударили по Восточной Пруссии. Вермахт не мог удержать Красную армию, и Гитлер призвал на помощь нацию. Одетые в гражданское, вооружённые как попало, ополченцы дрались не хуже солдат. А Красной армии фольксштурм показался оскорблением: это же наша война – отечественная, а не у немцев! Мы освободители, а не захватчики, почему же против нас народ? Политруки объясняли: фашисты оболванили простую трудовую Германию и силком гонят рабочих и крестьян на фронт. Но это было не совсем верно. Многие немцы записывались в ополчение добровольно. Они защищали свою родину. Свою чёртову злобную, преступную родину.

Во второй половине апреля от всей Восточной Пруссии у немцев остались лишь огрызок полуострова с городом Пиллау да длинная коса Фрише Нерунг. Красная

армия узким фронтом ломила к проливу Зеетиф: крушила, дробила, перемалывала и топтала немцев. Их рубежи обороны трещали и рассыпались.

Русские шли в атаку волна за волной. Танки пёрли через каштановые леса, выворачивая деревья с корнем, неуклюже карабкались на завалы из брёвен, шпал и разной сельхозтехники. Самоходки ползли по дюнам, едва сцепленным кустами облепихи, и толкали перед собой бочки с водой и песком, чтобы те давили мины. Фронт заволакивало дымом от горящих бронемашин – русских и немецких. Под огнём орудий, пулемётов и завывающих «небельверферов» русская пехота наступала почти под землёй: ныряла из лощины в лощину, из воронки в воронку. Всё перемешалось, и солдаты вермахта вдруг вылезали из засыпанных блиндажей и бункеров за спинами у своих врагов и били им в тыл. Мёртвые «тигры» и «пантеры», лежащие на вспоротых животах, очнувшись от смерти, вдруг с лязгом поворачивали обугленные башни и начинали стрелять. На побережье всё никак не умолкали вкопанные по брови бетонные батареи – изрыгали из песков один залп за другим. Над немецкими траншеями, поливая очередями, низко проносились русские штурмовики; пикирующие бомбардировщики швыряли бомбы на каменные черепа неприступных дотов. Немцев выколупывали из каждой рытвины, из-под каждой скорлупки. Немцы почти не отступали со своих рубежей: гибли, сгорали или истекали кровью.

Борьба не заканчивалась даже в темноте. Над позициями немцев русские «ночные ведьмы» рассеивали десятки тысяч голубых и малиновых листовок, в которых генерал Ляш, капитулировавший в Кёнигсберге, призывал солдат вермахта сложить оружие. Листовка служила пропуском в плен. Из русских громкоговорителей звучали вальсы Штрауса, народные песни и обращения «Свободной Германии» – организации немецких антифашистов в СССР.

Двадцать четвертого апреля Красная армия вышла на окраины Пиллау. Истерзанный город сопротивлялся, как раненый зверь. Улицы были перегорожены баррикадами, а за ними стояли танки и самоходки. Из проулков и подворотен торчали стволы орудий. На пустырях, во дворах и на детских площадках выросли бункеры и доты. В окнах домов сидели пулемётчики, в подвалах – фолькштурмовцы с фаустпатронами, на чердаках – снайперы. От причалов, черпая бортами, под бомбёжкой ещё уходили переполненные суда с ранеными и беженцами.

Советские офицеры рассматривали карты Пиллау – туристические путеводители общества «Сила через радость». Стрелы указывали направления атак, кругами

были обведены разведанные очаги обороны, и для них, как в Кёнигсберге, командиры формировали особые штурмовые группы. Русские вломились в город по главной дороге – по имперскому шоссе № 131.

Здания, превращённые немцами в крепости, русские дырявили из орудий прямой наводкой бронебойными снарядами. На городском стадионе советские танки гусеницами смяли зенитные батареи вместе с расчётами. Несколько раз бойцы атаковали форт Штиле, в укреплениях которого зиял кратер январского взрыва; форт отбивался, и «катюши» прожарили его до самых глубоких казематов. Немецкая морская пехота оборонялась в казармах военного городка Химмельсрайх; городок окружили и раскололи на куски. Среди жилой застройки Пиллау нелюдимо темнела глыба Штокхауза – могучего бункера, врытого в землю на три этажа; пройдя сквозь бешеный заградительный обстрел, бойцы выжгли утробу Штокхауза через амбразуры из огнёмётов. Приземистые фигурные бастионы форта «Восточный» затряслись от кумулятивных фугасов; форт безвольно вывалил из бойниц языки белых флагов. В парке Плантаже на скрещении променадов под соснами в грунт были вкопаны «панцеры» – словно разлапистые железные пни: снаряды корчевали их и переворачивали набок. Моряки Кригсмарине врукопашную дрались до последнего за селение Камстигаль: здесь жили их жёны и дети. Обгорелые «ИСы» выкатились на башни гаваней и садили из пушек по судам, уходящим в дыму за дамбу аванпорта. На верфях Шихау огромными дохлыми рыбинами лежали брошенные подводные лодки.

Батальон Володи Нечаева пробился к набережной Грабена. Пылающий «тигр» закупорил мост через канал, за ним в дыму скалились пулемёты. Канал был завален утонувшими судами – буксирами, баржами, лихтерами, катерами. Бойцы прыгали с набережной на палубы, перебрасывали дощатые сходни с борта на борт, лезли по надстройкам, по крышам рубок, хлестали по другому берегу из автоматов. Они первыми ворвались в разрушенные кварталы Хакена.

Немцы стреляли отовсюду – из почтамта, из руин ратуши, из кирпичи, из окон гостиницы, со второго этажа гимназии. Для Володи всё слилось воедино: узкие улочки, мостовые, баррикады, трупы, перевёрнутые грузовики, окна, углы, двери. Перебежки, короткие очереди, серые фигуры в дыму, гарь, не хватает дыхания, груды кирпича, грохот, крики, пыль. В руках у Володи давно гремел немецкий автомат, магазины он вытаскивал из подсумков у мертвецов. Мокрая гимнастёрка побурела от кирпичной крошки. Все мысли были нацелены только на то, чтобы сразу гасить выстрелом любое шевеление.

Каким-то образом он очутился в тёмном подвале, наполненном немцами. Женщины в жакетах, тихо завывая, вжимались в углы. Пожилой господин в очках что-то объяснял взахлёб и пятился. Раненый солдат, лежащий на полу, тряс в воздухе зажатой в кулаке белой тряпкой. А посреди подвала стоял тот самый старик фольксштурмовец из Лохштедта – краснорожий и седой. Он держал ручной пулемёт с дырчатым кожухом и растопыренными станинами.

Надо было бросить гранату и метнуться наружу, но Володя почему-то не сделал этого. Не успел. Худенький белобрысый парнишка в комбинезоне вдруг кинулся на старика фольксштурмовца, вырвал у него пулемёт и с силой швырнул Володе под ноги, словно жертву, а сам распахнул руки и заслонил собою старика. Володю поразили огромные глаза немецкого мальчика – они были больше Второй мировой. За стенами подвала сотрясался и рушился погибающий город. Володя постоял, будто оглушённый, потом цапнул пулемёт за ремень и молча взбежал по лестнице прочь из этого подвала.

* * *

По дороге остановились у госпиталя: Луданная известила медицинское начальство, что сержант Нечаев пока поступает в распоряжение СМЕРШа.

Литовцы и сама Луданная жили в городке немецкой школы подводников – бывших пехотных казармах. «Бюссинг» подрулил к крыльцу причудливого и объёмистого здания с острыми фронтонами. При штурме Пиллау казармам повезло: немцы их не обороняли, а русские не крушили. Пакарклис, Юргинис и Гертус помогали солдатам разгружать ящики с книгами. Луданная курила.

– Госпожа капитан, – сказал ей Клиховский, – я хочу пойти с вами.

– Зачем? – холодно удивилась Женя. – Я сообщу вам результаты.

– Нет, – твёрдо возразил Клиховский. – Моё непосредственное участие в дознании – условие моего сотрудничества.

Женя смерила его оценивающим взглядом:

– Вы слишком многое требуете, Клиховский. Если станете мешать, я могу в любой момент отправить вас в лагерь для интернированных.

Клиховский ждал этого удара – и нанёс ответный удар:

– А я могу в любой момент довести до сведения вашего руководства, что в Пиллау находится Эрих Кох.

Луданная смотрела Клиховскому прямо в глаза. Что ж, теперь всё ясно. Они оба держат друг друга на прицеле. В их отношениях, как между Польшей и Союзом, существует своя «линия Керзона», которую следует соблюдать. И желание капитана Луданной отстранить Клиховского – нарушение уговора.

Володя не заметил их короткой электрической стычки. Он думал о старом фольксштурмовце. Немец сложил оружие, и Володя пощадил его тогда, а сейчас выдаёт контрразведке... Порядочно ли это? Старика могут отправить в плен как военнопленного неприятельской армии... Но ведь он им и был. Там, в Лохштедте, он стрелял без всяких колебаний. Видно, сейчас в душе у Володи человек начал потихоньку вытеснять солдата – вот и одолели сомнения...

«Бюссинг» прокатился над Крепостным каналом по мосту Гинденбурга и свернул в кварталы Хакена. Володя в кузове поднялся на ноги, придерживаясь за крышу кабины. Он обещал капитану Жене показать тот дом, где в подвале наткнулся на фольксштурмовца, но теперь ему было трудно опознать нужное здание. В уличном бою он замечал укрытия, а не подробности архитектуры... Впрочем, он всё же вытащил из памяти кое-какие впечатления: подъезд со ступенькой, наполовину снесённый второй этаж, широкий карниз, а поодаль, за решётками стропил, закопчённая верхушка башни на берегу пролива... Володя забарабанил по крыше кабины. Грузовик затормозил.

– Это улица Лоцманов, – выбираясь из кузова, пояснил Клиховский.

Лоцманы Пиллау водили суда через пролив Зеетиф и по Морскому каналу до Кёнигсберга. Их опыт стоил весьма дорого, поэтому лоцманы обзаводились хорошим жильём на Хакене – в самом богатом и престижном районе города.

Теперь Володя вспомнил уже всё. Вот здесь они лезли через баррикаду, из которой торчал велосипед, а там горел «фердинанд»... Там, в воронке, залёг

фаустпатронщик, и его прихлопнули гранатой... Из того окна бил пулемёт, и на балконе трепалась от взрывов простыня... Из этой дыры Мишка Худяков огнём прижимал власовцев, прячущихся в тех вон витринах, – власовцы не сдавались, потому что их расстреливали даже с поднятыми руками... Солнце тогда висело прямо над городом и шевелилось в дыму, словно клубок змей, а сейчас, на закате, багряно высвечивало фонарь маяка и дымовые трубы.

Приближался комендантский час, и немцы разошлись с улицы по своим убежищам, только пожилой господин в женском кухонном фартуке с рюшами напоследок подметал мостовую. Развалины были частично разобраны, битый кирпич уложен в кучу. На уцелевшем телеграфном столбе сидели две чайки.

Женя направилась к господину с метлой.

– Я ищу человека, – сказала она по-немецки. – Лет шестьдесят, седой, с красным лицом. Возможно, бывший моряк. Знаете такого?

– О да! – охотно закивал господин с метлой. – Вероятно, вам нужен герр Грегор Людерс. Очень достойный человек. Он был нашим блокляйтером. Он живёт в том доме на втором этаже. Но я не видел его уже два дня.

Клиховский от волнения стиснул зубы. Он слышал о Грегоре Людерсе.

Сорванную с петель дверь квартиры жильцы просто прислонили к косяку. Женя по-хозяйски отодвинула её в сторону, даже не постучав. Немцам тут уже ничего не принадлежало. Володя шагнул через порог вслед за Женей.

Разруха... Окна выбиты, на потолке – следы пуль, на голубых обоях – синие квадраты от картин. Висела только фотография крейсера времён Первой мировой. В комнату, похоже, стащили всю найденную мебель: две кровати – широкую и узкую, гардероб с простреленной фанерной дверкой, стол, два гнутых венских стула. Одна стена была обрушена, и проём загородили щитом, сколоченным из досок. На узкой койке сидел тот светловолосый парнишка, что в подвале Лохштедта заслонил собою старого фольксштурмовца.

– Где Людерс? – сразу спросила Женя по-немецки.

Парнишка не испугался русских, хотя в их внезапном вторжении явно ощутил угрозу. Володя молча рассматривал худое и озлобленное лицо немецкого мальчика. В глазах мальчика тихо светилась чистая ненависть.

- Ваши власти забрали дядю на работу.

- На какую?

- Дядя - лоцман.

«Дядя», - отметил про себя Володя. Не отец и не дед.

Парнишке было лет пятнадцать-шестнадцать. Наверняка в каком-нибудь Гитлерюгенде голову ему забили фашистской пропагандой: великий фюрер, тысячелетний рейх, «Дойчланд юбер аллес», «жизненное пространство»... Но этот парнишка был храбрым и умел любить. Он закрыл собой старика. Его ещё не превратили в чудовище. И Володе вдруг захотелось, чтобы немецкий мальчик опомнился. Пускай и не сейчас, а вообще. Увидеть такое возрождение - это как вернуться с войны домой, а твой дом не разрушен бомбой, и герань цветёт на подоконнике, и мама, живая, сидит за швейной машинкой.

А Клиховский разглядывал парнишку с бесконечным изумлением.

- Когда Людерс придёт? - всё напирала на немчика Женя.

- Не знаю. Его могут продержат долго.

Гидрографическое управление Балтфлота собирало уцелевших немецких специалистов, чтобы составить новые лоции залива Фриш-Гаф и восстановить судоходную обстановку Морского канала. Флотская контрразведка искала моряков и свозила их в Лоцманскую башню, где помещалась рейдовая служба. Женя почувствовала досаду: Людерс находился в руках конкурентов, хотя, конечно, флотских интересовала акватория, а не подземелья.

- Хорошо, - сказала Женя по-русски. - Приду сюда утром.

Володя всё смотрел на юного немца. Тот ждал, когда русские уберутся.

Клиховский тронул Володю за плечо:

- Пойдёмте, господин солдат. - На пороге Клиховский оглянулся и негромко сказал: - Рад, что вы живы.

Русские вышли. Парнишка поднялся и подтащил дверь квартиры обратно в проём, затем выглянул в окно и проследил, как русские идут по улице.

- Опасность миновала, господин гауптштурмфюрер.

Дощатая перегородка, закрывающая разрушенную стену, сдвинулась, и сквозь щель в комнату выбрался высокий, спортивного вида мужчина в гражданском плаще и шляпе. В руке он держал короткий пистолет «зауэр».

Мужчина улыбнулся - спокойно и с пониманием:

- Вы правильно поступили, что не выдали меня, фройляйн Хельга.

* * *

Под гостиницу комендатура приспособила бывшую немецкую школу подводников. От Хакена до неё было совсем недалеко. Володя провожал Женю - вроде как всё равно по пути в госпиталь. Улица угасала в синеве. Балтика дышала свежестью. Сапожки Жени цокали по камням брусчатки.

- Заметил, как тот змеёныш смотрел на нас? - усмехаясь, спросила Женя.

Володя понял, что она имеет в виду немецкого парнишку:

- За-заметил. А чего ещё ждать от н-немцев?

- Они получили, что заслужили.

- Да, - сухо подтвердил Володя.

- Не слышу убеждённости в голосе, товарищ сержант.

- Я согласен с вами, товарищ капитан. Немцы должны за-аплатить за всё. Но даже нам радоваться тут не-нечему.

Женя хмыкнула. Война закончилась, и сразу изо всех щелей полез этот интеллигентский скулёж. Фрицев, видите ли, жалко. А своих не жалко?

- Поменьше снисхождения к врагу, Володенька.

Володя решил не спорить. Пока шла война, немцы были врагами. Теперь они стали просто немцами. Конечно, со всей фашистской отравой в головах. И со всей виной своего народа. Но Володя считал, что за вину немцы уже наказаны. И наказаны жестоко. Хватит. Дальше их надо лечить от отравы.

А Женя не понимала, зачем с немцами цацкаться. Гнуть их в дугу, и всё. Жене требовалось ощущать себя победительной и сильной, ведь сильный берёт всё, что пожелает, а желаний у Жени было много. После победы жизнь представлялась ей сказочной пещерой с сокровищами: уноси, сколько влезет. И в данный момент Женя хотела заполучить мужчину - такого, чтобы пользоваться всеми благами обладания, но оградить себя от всех неудобств.

- Что вы за-завтра сделаете с Л-людерсом? - спросил Володя.

- Ты, - поправила Женя.

- То есть я? - не сообразил Володя.

- Мы с тобой на «ты». Забыл, сержант?

- П-прости. - Володя улыбнулся. - Что ты завтра сделаешь с Людерсом?

Володю приятно волновало, как эта красивая и опасная женщина смело сокращает расстояние между ними. Так штурмовик пикирует на цель.

- Завтра я допрошу Людерса и узнаю про подземелья.

- А если он будет мо-молчать?

- Не будет, - как-то зловеще пообещала Женя. - Выбор у него небогатый. Или говорит, или я под конвоем отправляю его в лагерь для военнопленных.

- Он же не солдат! - возразил Володя. - Он ополченец!

Женя поморщилась. Ох уж эти интеллигентики...

- Слушай, Нечаев, прекрати мерехлюндию, - с нажимом сказала Женя. - Людерс не ездовым при кухне ошивался. Он стрелял по нашим ребятам. А мы согласны простить его - но в обмен на сотрудничество. Мы даём ему шанс остаться дома, а не укатить в Сибирь. Мы добрые. Усвой это, боец.

Володя тяжело вздохнул. Мерехлюндия объяснялась просто: ему претило мерить новую, мирную жизнь старой меркой войны. И Женя, конечно, права.

- Завтра ты пойдёшь со мной, - добавила Женя. - Пусть Людерс увидит, что у нас есть свидетель его участия в боевых действиях.

- Умеешь ты у-управляться с людьми... - с уважением заметил Володя.

Женя была польщена. Славный мальчик этот Нечаев. С пониманием. Не то что Перебатов. Интересно, каков он в койке? Вроде не должен оплошать.

Они как раз дошли до ворот школы подводников.

- Зайдём ко мне, - предложила Женя. - У меня есть «беренфанг».

«Беренфангом» называлась прусская хвойная водка.

Володя кивнул. Женя и отталкивала, и притягивала его. Напористая сила Жени была порождена, разумеется, войной. А во что эта сила воплотится после войны? Володе хотелось увидеть, какой окажется новая, другая Женя. И он согласился уступить. Пусть будет, как скажет Женя. Ей ведь тоже что-то надо.

За дверью школы подводников на КПП Жене заулыбался дежурный:

- Шпиона поймали, Евгения Петровна?

- Разговорчики! - оборвала его Женя.

Она жила в бывшем кабинете какого-то начальника. Грузная мебель, портреты немецких адмиралов, большой кожаный диван. Женя включила свет, вытащила тумбу из-под царственного стола и выставила бутылку без этикетки, а на закуску - жестянку лендлизовских сардин. Володя пододвинул стул.

- Не робей, пехота, - грубовато сказала Женя.

Володя понял: грубостью она маскирует смущение. Или бесстыдство.

Хвойная водка мягко проскользнула в горло и согрела грудь.

- Давно на фронте? - Женя подцепила сардинку за хвост.

- С сентября со-сорок четвёртого.

Женя удивлённо приподняла брови. Этот сержант поначалу показался ей маменькиным сынком, не успевшим обмяться в окопах, а он прошёл через мясорубки Гумбинена, Инстербурга, Кёнигсберга и Пиллау... Значит, крепкий парень, если не затёрся до общей солдатской одинаковости.

Но продолжить знакомство им не удалось. Дверь без стука открылась, и на пороге появился Перебатов - в форме, с портупеей и без фуражки. Он едва не споткнулся, увидев гостя. Володя сделал движение встать.

- Сиди. - Перебатов махнул рукой, прошёл к дивану и опустился рядом с Женей. - Мы здесь без чинов... Что празднуешь, Женька?

- Да ничего. - Женя пожала плечами, демонстрируя безмятежность.

Ей стало любопытно - как поведут себя эти двое?

Перебатов побагровел шеей, не зная, что сказать, и потянулся к бутылке:

- Шнапс? - Он понюхал горлышко. - О, фрицевская можжевелька!

Женя не предложила Перебатову налить. Володя тоже молчал. Рядом с Перебатовым ему стало тесно и неудобно.

- Ты кто? - наконец напрямую спросил Перебатов у Володи.

- Помогает мне искать доступ в катакомбы, - за Володю ответила Женя.

- В катакомбы, значит, доступ? - недобро повторил Перебатов. - Ну-ну.

Володя сразу почувствовал в майоре соперника со спесью. Володя не намеревался добиваться от Жени близости - как получится, так и получится, - но в мужском соперничестве его первопричина - женщина - быстро отходит на второй план. Важнее становится стремление к превосходству.

- На что вы на-намекаете, товарищ майор?

- Да, Коля, на что? - вызывающе улыбнулась Женя.

Перебатов еле унял себя. Глаза его угрюмо померкли.

- Ночью в цитадели убили двух патрулей. Ножом работал профессионал. Так что я заглянул предупредить: не стоит тебе рыскать по катакомбам.

- Я сама разберусь! - отрезала Женя. - Ты мне не командир.

- И вообще в городе ночью опасно. - Перебатов снова глянул на Володю. - У меня возле крыльца «виллис» ждёт - подвезёт тебя до части, гвардеец.

Володя вздохнул. Он не хотел обострять обстановку, но куда деваться?

- Спасибо, товарищ ма-майор, я не поеду. Я пришёл в гости к Ж-жене и уйду, когда сочту нужным. У меня пропуск для ко-комендантского часа.

Такая откровенность взбесила Перебатова.

– Ну, давай хоть покурим в коридорчике! – с угрозой предложил он.

– Давайте з-здесь. Женя тоже курит, она не будет во-возражать.

Женя упивалась посрамлением Перебатова. И ещё ей было приятно, что Нечаев поступил правильно: не сдал своих позиций и не повёлся на глупое мальчишество майора. Видно, полгода фронта многому его научили.

Перебатов растерялся. Не вытаскивать же этого сопляка силой!.. Позор на всё общежитие – майор за бабу дерётся с каким-то молокососом!.. А Женька – курва!..

Перебатов с фальшивым весельем шлёпнул ладонями по коленям:

– Ладно тогда!.. – Он встал. – Что ж, бывайте, славяне.

Он хлопнул за собой дверь.

Женя, молча улыбаясь, взяла бутылку и снова разлила «беренфанг». А потом принялась вытаскивать шпильки из волос. Узел распался, и волосы мягким потоком хлынули на капитанские погоны.

Глава четвертая

Клиховский неплохо представлял себе Людерса – носителя тевтонского духа, моряка с крейсера «Кёнигсберг», ветерана Первой мировой, поклонника Гинденбурга и Людендорфа. До войны Людерс помогал доктору Хаберлянду обустроить городской музей: старый лоцман считал его мемориалом прусской славы. Такой человек, как Людерс, никогда не откроет тайны Пиллау русским – пусть хоть расстреливают! Однако может открыть их Клиховскому. Во-первых, Клиховский – друг Хаберлянда. А во-вторых, спас Хельгу.

Хаберлянд сказал, что музей вывезли из Шведской цитадели – возможно, в Лохштедт. Самые ценные экспонаты были упакованы в снарядные ящики. В Лохштедте Клиховский не увидел зелёных ящиков, даже разбитых. Зато узнал, что замок оборонял Людерс – доверенный человек Хаберлянда. Это не могло быть случайностью. Если русские схватят бывшего фольксштурмовца, то уже не выпустят его из своих лап. Надо успеть поговорить с ним до того, как его заберёт госпожа из дефензивы. И Клиховский пошёл к Людерсу ночью.

От улицы Проповедников до улицы Лоцманов было всего три квартала. Клиховский пробирался через руины по внутренним дворам, чтобы патруль не задержал его как нарушителя комендантского часа. В эту ночь русские впервые зажгли маяк. Где-то наверху то и дело беззвучно вспыхивал яркий белый огонь, и мгновенно из темноты проявлялся город: голые печные трубы, рёбра стен, освещённые треугольные фронтоны и решётки стропил.

Во двор дома Людерса Клиховский попал через уцелевшую калитку в кирпичной ограде. Он сделал шаг вперёд – и сразу шаг назад, потому что из двери чёрного хода осторожно вышел человек в шляпе и плаще, и Клиховский сразу его узнал. Клиховский не раз видел его за плечом гауляйтера Коха на митингах, этот человек всегда провожал гауляйтера к лимузину, а в «Волчьем логове» дежурил в отдельном кабинете у телефона. Об этом человеке грезил белокурой невесты из общества «Вера и красота»: аристократ, автогонщик, пилот, яхтсмен, ариец и красавец – Гуго фон Дитц, адъютант Эриха Коха.

Клиховский догадался, кто сидел за штурвалом красного гидроплана.

Следом за фон Дитцем из дома вышел Людерс.

– Правее, господин гауптштурмфюрер, – сказал он. – Там есть тропка.

Людерс и фон Дитц передвигались тем же способом, что и Клиховский, – по дворам, через руины, прячась в густой тени, чтобы не попасться патрулям. Клиховский крался за немцами. Он быстро понял, куда те направляются – на Курфюрстенбольверк. Поблизости, за пирсом парома, располагалась стоянка лоцманских катеров; над стоянкой высилась Лоцманская башня.

За развалинами двухэтажного здания наконец распахнулось пространство меж плоскостью тёмного моря и плоскостью звёздного неба; при вспышках маяка

море, подобно небу, покрывалось бегучей россыпью мелких искр. По набережной, слепя фарами, медленно проехал «додж» с пулемётом. Людерс и фон Дитц выждали, пока он удалится, и пересекли дорогу. Клиховский был вынужден наблюдать за немцами издалека – из развалин.

Вдоль берега в воде лежали утонувшие суда. Выше всех торчал баковый кран балкера «Нибелунг». Старый сухогруз ходил из Кёнигсберга в Мемель и Готенхафен; в апреле, уже после падения Кёнигсберга, он вывозил беженцев из Пиллау. Русские беспощадно бомбили порт. Забитый людьми «Нибелунг» едва успел отойти от причала, как на его корме взорвалась бомба. Капитан сумел уткнуться судно носом в берег. Здесь «Нибелунг» и остался. Пологие волны пенились на препятствиях и тихо шлёпали в прибрежных камнях.

Клиховский никак не мог понять, что делают Людерс и фон Дитц. Старик возился под ржавой скулой «Нибелунга», а потом у него в руках оказалась верёвка, уползающая в море. Людерс и фон Дитц вместе принялись тянуть эту верёвку и вытащили привязанную лодку. Видимо, Людерс её здесь и спрятал. Клиховский знал, что русские власти, заняв Пиллау, конфисковали у жителей все плавсредства. Людерс извлёк из лодки пару распашных вёсел и руль.

Клиховский наблюдал, как немцы тихо проплыли вдоль «Нибелунга» и развернулись в сторону створного знака на дамбе аванпорта. Фон Дитц грёб, Людерс рулил. Акватория ночью была пуста: русские суда не ходили, так как навигационная обстановка ещё отсутствовала, а в море блуждали плавучие мины. Маленькая лодочка растворилась в темноте залива.

...К дому Людерса Клиховский вернулся прежним скрытым путём. Что ж, старик ускользнул, но это, может, и к лучшему.

Хельга сидела за столом, накрытом скатертью; на столе стояли две рюмки и початая бутылка пилькаллера, а грязные тарелки, вилки и чашки отмокали в тазу. Вид у Хельги был опустошённый. Клиховский опустил на стул.

– Помните меня? – спросил он.

Хельга кивнула. Клиховский разглядывал её. Судя по неровным прядям, она сама обкорнала себе волосы, чтобы в комбинезоне походила на мальчика – боялась насилия русских солдат. И сейчас боится всего. Клиховскому стало жаль

эту юную немочку, но жалость не влияла на его решения. В Мариенбурге он видел парады Юнгфолька и Юнгмедельбунда. Из таких чистых девочек и пылких мальчиков слагался народ, который нёс порабощение и гибель.

– Я знаю о вас больше, чем вам кажется, – прямо сказал Клиховский. – Вы должны поговорить со мной, Хельга. Иначе я выдам вас русским.

– Спрашивайте, – тихо ответила Хельга.

– Ваш дядя вывел из города Гуго фон Дитца. Куда они направились?

– К объекту «НАСТ-1». Я не знаю, где он.

Клиховский сразу догадался, что речь идёт о выходе из катакомб.

– Зачем Дитцу Грегор Людерс?

Хельга взяла со стола рюмку и принялась вытирать углом скатерти:

– Дитц выбрался через «ZIF-2». Это в Шведской цитадели. Он там убил караульных. Русские усилили охрану, и Дитц не мог вернуться через «ZIF-2». Дядя повёл его туда, где русских нет.

– Они упоминали о Лохштедте или музее Хаберлянда?

Хельга впервые посмотрела Клиховскому в глаза – в своём ли тот уме? Рейх уничтожен, Германия захвачена врагами, всем грозит смерть – при чём тут старый замок и городской музей?! Но взгляд Клиховского был трезвым.

– Хельга, скажите: что гауляйтеру нужно от вашего дяди?

Девушка снова опустила голову:

– Я не знаю...

В её голосе звучала тоска, и Клиховский не усомнился в честности ответа.

– Вам известны входы в катакомбы? Хотя бы один вход?

– Это государственная тайна. Дядюшка мне ничего не рассказывал.

– А когда он вернётся?

– Следующей ночью.

Клиховский мрачно задумался. Значит, дама из русской дефензивы утром не сможет допросить и арестовать Людерса. А потом?

– Хельга... Если я сообщу русским, что Грегор Людерс сотрудничает с нацистами, его расстреляют. Но я не выдам его, если он мне поможет. Вы хотите спасти дядю? Тогда объясните ему положение вещей и мои условия.

Клиховскому было плевать, доберутся ли русские до гауляйтера. Плевать на подлость своего шантажа. Он желал использовать шанс и попытаться найти музейные ящики – тем более без ведома русской контрразведки.

Клиховский поднялся из-за стола, глядя на Хельгу сверху вниз.

– Я приду завтра ночью. Убедите дядю ответить на мои вопросы, – сказал он. – И напоминаю, что вы у меня в долгу за ту ночь в феврале.

* * *

Он перевалился через край бетонной трубы и упал в снег. Над ним в свете звёзд слабо поблёскивали заиндевелые ветви осин. Вентиляционный колодец находился в худосочном листовенном лесочке и был окружён колючей проволокой. Клиховский прополз под ограждением и поднялся на ноги.

Он плохо представлял географию полуострова, однако понял, что тоннель вывел его за город. Это ещё одно чудо – в придачу к тому, что он уцелел при взрыве и вырвался из лагеря. А теперь надо избавиться от полосатой одежды узника и влиться в поток беженцев. Клиховский слышал его шум за деревьями.

Беженцы брели по имперскому шоссе № 131. До Пиллау им оставалось, наверное, километра полтора. Измученные люди волокли тележки и санки со скарбом. Битюги тянули большие повозки, в которых поверх грузов сидели закутанные дети беженцев. Регулировщик в каске, мотоплаще и с железным горжетом полевой жандармерии следил, чтобы движение не прерывалось.

Какой-то мужчина подкатил свою тачку поближе к жандарму, чтобы тот присмотрел за имуществом, и побежал в лес. Укрывшись за кустом ольхи, он бережно повесил на сучок пальто, кашне и шляпу, приспустил брюки и присел. Клиховский сдёрнул кашне, скрутил его жгутом и сзади накинул беженцу на горло. Казалось, что человек, умирая, бился целый час. Потом Клиховский снял с покойника и пиджак, и брюки, и ботинки. Усталый жандарм не заметил, что из леса вышел совсем не тот, кто вошёл. Клиховский взял тачку беженца.

Он не испытывал ужаса от содеянного. Концлагерь выжег все его чувства. В толпе таких же, как он, обездоленных людей Клиховский шагал по Хорст-Вессель-аллее и видел дома, повреждённые взрывом в форте Штиле: окна без стёкол, отбитая штукатурка, осыпавшаяся черепица крыш. В кармане пальто Клиховский нашарил пакет с документами и теперь читал их на ходу. Что ж, отныне он стал Паулем Бадштубером из Инстербурга. Это знак судьбы, ведь в Инстербурге живая мумия коменданта де ля Кава и свела его с доктором Хаберляндом. Клиховский нашёл улицу Проповедников, дом семь. Хаберлянд открыл на стук. Пожилой и старомодный, он был в ночном колпаке.

– Простите, господин доктор, – сказал Клиховский. – Мы с вами едва знакомы. Но не могли бы вы меня спасти?

Конрад Хаберлянд, бывший бургомистр Пиллау, жил в большой квартире на втором этаже. Он уступил Клиховскому отдельную комнату с окнами во двор. Город затопили волны беженцев, рвущихся к кораблям и парому на косу Фрише-Нерунг. Этот поток пыталась упорядочить эвакуационная комиссия, она заседала в гостинице «Золотой якорь». Беженцам негде было пристроиться в Пиллау. Те, что побогаче, предлагали огромные деньги за ночлег; Хаберлянд вежливо отказывал, но многие горожане принимали постояльцев. Однако всё равно люди коротали ночи в повозках на всех улицах, в подъездах и у костров на окраинах города. Магистрат распорядился открыть для беженцев школы и гимназии, склады и пакгаузы, лавки и парикмахерские, мастерские, подвалы и угольные сараи. Хаберлянд уже отправил свою семью в Дуйсбург; днём он пропадал в ратуше, помогая в делах, а по вечерам пил с Клиховским ячменный

кофе. Не понимая того, Хаберлянд сам придумал за Клиховского его историю.

– Это трагедия! – вздыхал он. – Варшава пала! Русские вторглись на нашу священную землю!.. Скажу по секрету, мой друг, гауляйтер приказал вывезти останки Гинденбурга и взорвать мемориал Танненберг! Ставка фюрера под Растенбургом уничтожена! Английское радио сообщило, что торпедирован лайнер «Густлоф», тысячи жертв!.. Идёт битва за Мариенбург, и тевтонский замок обороняется, как пятьсот лет назад!.. Я понимаю, Винцент, почему вы бежали с чужими документами. В нашем гау эвакуация тоже была запрещена под страхом расстрела. Но оставаться в Мариенбурге – самоубийство!

Клиховский только соглашался.

– Как ваш музей? – спросил он словно ненароком.

– Музея больше нет. Шведскую цитадель занял какой-то военный штаб, и все мои экспонаты и документы упакованы для транспортировки.

– А тот меч, который вы считаете Лигуэтом?

– Он тоже упакован. Мне дали десять ящичков из-под снарядов – знаете, такие зелёные, плоские, – и я со всеми предосторожностями уложил в них и Лигуэт, и распятие святого Адальберта, и янтарь орденских времён, и кубок из Хонеды, и оковы Генриха фон Плауэна... Это удивительные вещи!..

– И куда их переместят из цитадели? Когда?

– Я жду решения гауляйтера. Но у него хватает своих забот.

Доктор Хаберлянд зарегистрировал Клиховского, то есть Бадштубера, в магистрате, и Клиховский стал получать талоны на продукты. Пятого февраля, через десять дней после своего бегства из форта, он шёл в ратушу и вдруг услышал странное завывание – это включились сирены воздушной тревоги. Толпа на улице не поняла, в чём дело: Пиллау ещё не бомбили. А потом загудели суда в гавани и раздался клёкот скорострельных зенитных автоматов. Клиховский посмотрел на низкое облачное небо: там бледно полыхало, как в грозу, а затем над улицей пронеслись два самолёта со звёздами. Тотчас город

встряхнуло и закачало. Взревели близкие взрывы, завизжали женщины возле аптеки на углу.

Люди кинулись кто куда. Клиховский увидел, как светловолосая девушка в сером пальто вжалась в глубокую нишу полуподвального окна. Из верхних окон здания внезапно выбило пламя и осколки стёкол; стена потрескалась, будто мгновенно состарилась, и, ломаясь, с грохотом и пылью рассыпалась на куски, оголяя внутренние помещения. Девушка исчезла под грудой обломков.

Клиховский не знал, почему он так поступил. Немцы погибают? И пусть погибают!.. Но он отшвыривал кирпичи и выворачивал глыбы, продираясь к нише полуподвала. Он выкапывал не девушку-немку, а себя самого, заживо погребённого в тоннеле форта Штиле. Только так он мог справиться с тем животным ужасом, который однажды едва не свёл его с ума, а теперь вернулся и вышиб из разума. Вокруг кричали и рыдали, бомбардировщики зашли на второй круг, улицу снова подбрасывало, ржали лошади, стелился едкий дым от горящей аптеки. Клиховский разгрёб дыру и вцепился в серое пальто. Он выволок девушку из западни и скорее перетащил в подворотню.

Там они и просидели до завершения налёта. Клиховский крупно дрожал, его мутило. Девушка намертво вцепилась в рукав своего спасителя. Пальто у неё было в кирпичном мусоре, лицо – в крови, а светлые волосы стояли дыбом.

Русские самолёты улетели, а немка всё боялась выйти из подворотни. На задымлённой улице среди груд кирпича и черепицы валялись мёртвые люди и лошади, опрокинутые фургоны. Зияли воронки. Бродила и страшно завывала какая-то женщина. Ноги не держали, подгибались, но Клиховский довёл спасённую девушку до её дома на улице Лоцманов.

Вечером он рассказал о налёте доктору Хаберлянду.

– Вы спасли Хельгу Людерс, Винсент, – сразу узнал девушку Хаберлянд. – Это хорошо. Получается, что я, пусть и косвенно, оплатил добром Грегору Людерсу, её дяде и опекуну. До войны мы с ним дружили и сотрудничали. О, как мы оба были увлечены работой над музеем нашего милого Пиллау!

– Что произошло потом?

– Мы рассорились. Я прозрел, а Грегор пал жертвой демагогии Геббельса...

Хаберлянд замолчал и отёр старческую слезу.

– Как нам жить дальше, господин Клиховский? – спросил он. – Я имею в виду всех немцев, моих несчастных соотечественников... Рейх обречён. Мы раздавлены ходом истории! Наш народ страшно виноват, что доверился нищезанствующему безумцу! Весь мир обрушился на наши головы! Нам придётся возродить себя из праха, в который повергли нас нацисты!

Клиховскому было жаль Хаберлянда, а немцев не жаль.

Первая бомбёжка сломила доктора: он подал заявку на эвакуацию. Свою квартиру он зарегистрировал в магистрате на Пауля Бадштубера.

– Пользуйтесь бомбоубежищем в подвале, – посоветовал Хаберлянд. – Я попросил разрешение на выезд и для вас, но его выдадут, когда я уже уеду.

– Спасибо, господин доктор, – поблагодарил Клиховский; он не собирался бежать из Пиллау, пока не найдёт Лигуэт. – А что с вашим музеем?

– Я сдал ящики на попечение канцелярии гауляйтера. Полагаю, господин Кох переправит их в свою резиденцию – в замок Лохштедт. Больше некуда.

Клиховский помог доктору донести чемоданы до набережной. На пирс провожающих не пропускало оцепление из власовцев в овчинных шапках. Прощаясь, доктор крепко обнял своего гостя. А потом Клиховский смотрел, как транспорт «Марс» медленно уходит по каналу Иннехафен к проливу.

Но думал Клиховский вовсе не о докторе Хаберлянде. Здесь, на улице Ам Грабен, глядя на судно с беженцами, он вдруг ощутил живую глубину родовой памяти. Чужое прошлое всплывало из небытия в виде его собственной судьбы. Всё это уже случилось с его давним предком. Всё это было. Была девушка, выкопанная предком из могилы. И был робкий мудрец, убежавший с поля боя.

* * *

Длинные сочленения замка Мальборк растянулись по правому берегу Ногата, будто исполинская, разобранная на части машина вроде катапульты. Геометрия стен и башен была промерена линейкой и циркулем с немецкой точностью: плоскости и ровные дуги; цилиндры, кубы, трапеции и конусы – ни одного прихотливого изгиба или вольной завитушки. Краснокирпичная кладка, подсвеченная закатом, саднила взгляд, как ржавчина. Черепичные кровли и арочные фронтоны багровели в смуглой августовской синеве неба и перевёрнуто отражались в гладкой реке. Своей неподвижной и мертвенной правильностью замок словно спорил с живым трепетом божьего творения.

Краковский каноник Ян Длугош рассматривал тевтонскую твердыню и понимал, что Польша победит Орден лишь тогда, когда изгонит рыцарей из Мальборка – немецкого Мариенбурга. Великие сражения ничего не изменят. Полвека назад король Ягайло разбил тевтонцев у деревни Грюнвальд, но не сумел взять замок, и Орден остался в Польше, как стрела, вонзённая в тело. А нынешней весной рыцарь Ганс фон Байзен, предводитель мятежников, снова осаждал Мальборк с войсками из Гданьска и Эльблонга – немцы называли эти города Данцигом и Эльбингом, – но, увы, отступился, и тевтонцы угрожают полякам по-прежнему. Вот потому король Казимир должен захватить столицу непреклонного Ордена. Лучше без напрасной христианской крови. И он, Ян Длугош, коронный negociator, обязан помочь своему государю.

На левом берегу Ногата выстроились в ряд пушки на колёсных лафетах; немцы прозвали их «шарф-метцен» – «меткие девки». Гулко гремели выстрелы, ядра со звоном били в стену, и слышался шорох сыплющихся кирпичей. Замок отвечал приглушённым лаем бомбард; их снаряды вязко шлёпались вокруг пушек в истоптанную траву, будто каменные яблоки. Бойницы стен и башен, озаряясь изнутри, часто трескали малыми ручными орудиями – гуфницами, пишталями и фистулами, и польские пушкарки прятались от смертоносного чугунного гороха за большими щитами-павезами со шляхетскими гербами.

Длугош веточкой обмахивался от назойливых вечерних комаров.

– Пан каноник, дозволите отвлечь?..

Длугош оглянулся. Сзади переминался с ноги на ногу некий юнец, одетый небогато, но как шляхтич: шитый доломан с частыми пуговицами и фреза с откидными рукавами. Юнец тискал в ладонях старую шапку-рогатовку.

– Кто ты и чего просишь? – с подозрением спросил Длугош.

С молодых лет он служил отцу Збигневу Олесницкому, сначала епископу, а потом кардиналу. Олесницкого называли подлинным властителем Польши. Он немало поспособствовал умалению вековых прав короны в пользу сейма. Конечно, король Казимир не любил пана Збигнева, но волей-неволей считался с ним, а свою неприязнь вымещал на кардинальском секретаре – на Длугоше. И блистательная пустоголовая клика, что вертелась у трона, тоже ополчилась на каноника. Пять месяцев назад кардинал скончался. Дела у каноника пошли совсем плохо. Слава святому Станиславу, что король, уважая в Длугоше дар дипломата, всё же позвал его вести переговоры с тевтонцами, осаждёнными в Мальборке. Длугош очень рассчитывал, что успех этих переговоров вернёт ему расположение короля. Но кто этот юнец? Уж не посланец ли коварных князей или магнатов, желавших окончательного падения каноника?

– Я Каетан герба Клиховских, – представился юнец. – Владею малым имением Залесе-Погожель. А здесь команду «копьём» Торуньской хоругви.

Войсковой стан занимал обширную луговину по левому берегу Ногата. Магнаты и князья, города и епископства собрали для короля свои отряды – хоругви, но вечная польская ревность к чести не позволили соблюсти на стане порядок. Шатры торчали как попало и теснили друг друга, стараясь выгадать место поближе к королевскому лагерю. Всюду бродили кони и грудились обозы. На шестах полоскались знамёна с гербами: с ладьёй «Лодзи», луной «Леливы», платком «Наленча», щитом «Янины», якорем «Огончика», чёрным орлом «Сулимы», тремя зубчатыми башнями «Гржималы». Перестрелка через реку войсковому стану ничуть не мешала. Перестукивались молоты кузниц, звучали голоса и смех, кто-то ругался, а кто-то пьяно пел под урчание лиры.

– Мой отец погиб из-за тевтонцев, – добавил Каетан. – Я один в роду.

Длугош не ответил. Юнец наивен. Такими словами доверия не заслужить. Да, Орден – враг, но многие шляхтичи надеются, что в нынешней войне он выстоит, потому что победа короля слишком возвысит монарха над сеймом.

Кардинал Олесницкий не хотел, чтобы Длугош, его воспитанник, погряз в придворных интригах. Кардинал советовал Длугошу посвятить себя высокой миссии. Например, написать хронику Польши. Длугош много думал о словах

учителя. Но в истории Польши что может быть важнее борьбы с Тевтонским орденом? А в борьбе с Орденом что может быть важнее осады Мальборка? Вот ещё и по этой причине он, Ян Длугош, оказался здесь, на берегу Ногата.

– Скажите, пан Длугош, – дрогнувшим голосом произнёс Каетан, – горит ли ваше сердце жаждой гибели для проклятых немцев?

Длугош хмыкнул. Глупый вопрос! Его отец сражался под Грюнвальдом и взял в плен комтура Бранденбурга. И кардинал Олесницкий, тогда ещё просто нотариус, писец, под Грюнвальдом бросился в бой и вышиб из седла рыцаря фон Дибера, который понёсся на короля Владислава с копьём. Сам Длугош в назидание соотечественникам составил книгу «Прусские хоругви»: перечень знамён, захваченных у тевтонцев. Эти тяжкие стяги, царственно переливаясь шелками и бархатом, и ныне хранятся в усыпальнице святого Станислава в соборе на Вавеле. Орден тогда потерял много своих святынь – хоругви Бальги, Торна, Кульма, Эльбинга, Рагнита, Бранденбурга, Данцига, Кёнигсберга и других замков, а также гонфалоны всего Генерального капитула: маршала, Великого комтура, казначея, ризничего и самого Верховного магистра.

– Зачем ты спрашиваешь об этом? – раздражённо сказал Длугош юнцу.

– Простите, вельможный пан, если обидел, – смутился Каетан. – Дело моё требует пылкой любви к отечеству, дабы она оправдала и такое предприятие, каковое рыцарская честь не в достоинство почтёт...

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Длугош.

Пушки бабахали по-прежнему, и над рекой заполошно металась чайка. Тёплыми густыми волнами наплывали запахи перестойного луга – приторно-вялые, как знамёна крестоносцев в усыпальнице святого Станислава.

– Я – малый человек, – тяжело вздохнул Каетан. – Никто не оставит меня с королём наедине. А вы – достойный муж, вам доверяют.

– И что?

– Моё дело требует тайны... – Юнец смотрел испытующе. – Я встретил негодяя, согласного открыть путь в Мальборк. Как мне известить короля?

* * *

Колокол в замке исправно отмерял каждый час, и звон плыл над городом, над рекой и над польским станом. Длугош слышал дальний гул тевтонского кампана за стенками своего шатра. Гости пришли в полночь. Юнец остался стоять, не желая уравниваться со спутником, а тот сразу уселся на скамью, покрытую татарской кошмой. Он чувствовал себя привольно, словно в корчме.

– Назовись! – приказал ему Длугош.

– У меня, святой отец, разных имён было, как у собаки блох, всех уж и не упомяну, – беспечно ответил тот. – Сейчас я Сигельд.

Свет свечи бегал по колеблющейся полотняной кровле. Понятно, кого привёл Каетан. Прожжённого жулика из ганзейского порта вроде Бремена, Данцига или Гента. Пьянки, шлюхи, игра в кости, разбой и тёмные делишки.

– И что ты хочешь предложить? – спросил Длугош.

– Замок Ордена, что же ещё? – ухмыльнулся Сигельд. – Не может быть, чтобы под такой громадиной рыцари не прокопали тайный лаз. Я найду его и покажу вам. А король заплатит мне три тысячи венгерских флоринов.

Подземные ходы, конечно, существовали. Все знали, что магистр может войти во дворец в Среднем замке, а выйти уже в Высоком замке. Рассказывали про выход из Высокого замка наружу – то ли в Нижний замок, то ли в город, то ли на другой берег реки. Врали, что лаз вообще тянется до местечка Новы-Став в десятке вёрст от Мальборка, и в том подземелье спрятаны сокровища Ордена, их охраняют призраки магистров, лежащих в часовне под собором.

Каетан стоял в тени за спиной Сигельда. Лицо его было неподвижно.

– Ты понимаешь, чем рискуешь?

Длугош пристально посмотрел на Сигельда, и его удивило холодное спокойствие, спрятанное за развязностью простолюдина.

– После битвы при Грюнвальде король Владислав осадил Мальборк. Тевтонцы наняли защищать свой замок всякий сброд. Бесчестный рыцарь Ясек Сокол предложил королю открыть ворота замка, если будет славная награда. Король взял время на размышления. Но через день тевтонцы катапультой забросили в польский обоз отсечённую голову Сокола.

– И остались у вас ещё на полвека, – бесстыже заметил Сигельд. – Надо было сразу раскошелиться.

Длугош взял со столика подсвечник и поднял огонёк, освещая Каетана.

– А вы как считаете, пан Клиховский, не обманывает ли этот человек?

– Он не обманывает, – помолчав, угрюмо сказал Каетан.

Длугош в задумчивости вернул подсвечник на место.

– Нет, я ничего не стану говорить королю, – отказался он. – Сначала ты, Сигельд, должен убедить меня, что уже нашёл ход. Тогда я и пойду к королю.

Длугош не сомневался, что король заплатит пройдохе даже наперёд: Казимир Ягеллончик – не Владислав Ягайло. Но опасность заключалась не в потере денег. Если Длугош пообещает королю, что Сигельд проведёт поляков в замок, а тот не справится, то король окончательно разочаруется в канонике. Можно будет постригаться в монахи и писать историю Польши – ничего иного Длугошу уже не останется. Нет, о лазе под стеной Мальборка король должен узнать только тогда, когда Сигельд отыщет дорогу. Ему, Длугошу, незачем столь опрометчиво ставить на кон свою судьбу и положение при дворе.

– Бойтесь не оправдать ожиданий короля, святой отец? – проницательно спросил Сигельд.

Длугоша уязвила подлая догадливость этого мерзавца. Длугош понял, что Сигельд ему не нравится. Странно. Обычно ловкачи или проныры вызывают

расположение – если, конечно, вредят не тебе, а другим. Так устроена природа человека: всегда приятно видеть, как попирается чужая гордыня. Но в Сигельде каноник ощутил какое-то жестокое и отталкивающее превосходство.

– Чем попусту болтать, лучше объясни, как ты надеешься пробраться в Мальборк, – сухо сказал Длугош. – Орденский замок – не спальня купчихи.

Каетан неохотно выступил вперёд и положил перед каноником большой, скрученный в трубку лист с болтающимися на шнурках печатями.

– Посмотрите, пан Длугош, – попросил он.

Длугош с недоверием развернул лист и обомлел: это было послание-бреве, подписанное самим понтификом – покойным Папой Николаем V.

До Кракова уже донеслось известие, что Папа учредил в Ватикане новую библиотеку. Когда под ятаганами османов пал злосчастный Константинополь, Папа сразу послал к султану Мехмеду своего легата, чтобы тот выкупил все книги ромейского архива. И в бреве, которое держал в руках Длугош, было сказано, что предъявитель сего – грамматик Святого Престола, отправленный приобретать или переписывать для апостольского книжного собрания церковные и светские хронографы, достойные общей памяти христиан.

– Где ты взял это? – Длугош негодуя вперился в Сигельда.

– Есть у меня приятель по прозвищу Исповедник, – пояснил Сигельд. – Он много последних исповедей слышал. Одна была от какого-то монаха. Его сундук мой приятель забрал себе: зачем сундук мертвецу с ножом в животе? А потом вещички покойного Исповедник проиграл мне в кости. Среди них я и нашёл этот лист. И теперь вот сообразил, как он может мне пригодиться.

«Сам ты и убил того монаха!» – подумал Длугош.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksey-ivanov/teni-tevtonov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)